

А.В. Мартынов,

кандидат экономических наук

(Эколого-политологический университет)

О СТРУКТУРНОЙ ПЕРЕСТРОЙКЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Нет нужды распространяться о значении данной работы. В настоящий момент именно претворение в жизнь той или иной стратегии структурных преобразований рыночного хозяйства России будет определять судьбу страны в начале третьего тысячелетия.

К сожалению, до сих пор не выработано общегосударственной политики, направленной на преодоление многочисленных структурных деформаций отечественной экономики. Это очевидное обстоятельство и объясняет сохраняющуюся актуальность постановочных, дискуссионных работ по данной практисиологической проблематике, охватывающей широкий круг задач, связанных с реализацией стратегии структурного регулирования.

Хотелось бы обратить внимание на некоторое содержательное отличие понятия **“структурное регулирование”** от принятого в нашей практике понимания понятия **“структурная политика”**. По нашему представлению, первое понятие адекватно отражает народнохозяйственный аспект активной государственной политики с целью преодоления структурных деформаций, складывающихся на уровне отдельных секторов и отраслей. В то же время структурная политика, целесообразность дальнейших усилий по разработке и осуществлению которой не подлежит сомнению, представляет по своему охвату более широкую область государственного вмешательства, в частности связанную с разрешением внутриотраслевых проблем и проблем стимулирования инноваций по их специфическим направлениям.

Рыночная трансформация российской экономики: почему сохраняются структурные деформации?

Какое влияние на структурные деформации оказывает переход к рыночной системе координат? С методологических позиций в качестве исходного правомерно рассмотреть вариант рыночной либерализации внутреннего рынка, прежде всего в отношении цен, пока не касаясь внешнеэкономической либерализации.

На микроуровне (и в отношении локальных рынков ранее заведомо дефицитных или избыточных ресурсов) устанавливается равновесие

спроса и предложения в силу высвобождения цен. Однако сам феномен крайне низкой взаимозаменяемости ресурсов не исчезает в связи с рыночной либерализацией. По сути дела в условиях либерализации цен на внутреннем рынке, когда не рассматривается возможность импортозамещения, на деформированных сегментах рынка происходят два закономерных процесса. С одной стороны, имеет место падение спроса на ресурсы (товары), ранее навязываемые потребителям, и свертывание их производства. При этом процесс полного вымывания соответствующих товарных рынков в принципе оказывается необратимым, вне зависимости от изменений состояния других товарных рынков, прежде всего отражаемым уровнем цен. С другой стороны, следует ожидать уменьшения предложения ресурсов (товаров), на которые ранее проявлялся повышенный спрос, при одновременном взлете цен на них, ранее централизованно устанавливаемых¹. В ходе радикальной рыночной реформы в России последний процесс проявился в сознательном расточительном ресурсопотреблении со стороны производителей первичных ресурсов, их торговых и прочих партнеров, устанавливающих цены посредством автоматической накладки высокой нормы прибыли на затраты. Посредством искусственного вздувания цен данные рыночные агенты получают возможность с лихвой компенсировать свои финансовые потери от снижения объемов производства. Фактически действует эффект монопольной цены, которая в условиях отсутствия должной конкуренции устанавливается на пределе платежеспособности потребителей.

Тем самым диапазоны изменения цен по “нормальным” сегментам рынка оказываются несоизмеримо ‘уже, чем диапазоны цен на остающуюся фактически дефицитной продукцию. Она остается невзаимозаменяемой или почти невзаимозаменяемой. При этом в случае нормализации цен на рассматриваемые ресурсы спрос на них очевидно будет значительно выше фактического.

Впрочем, по мнению отечественных ультра-реформаторов, уже на исходной стадии либерализации внутреннего рынка, в частности фондового рынка и кредитно-банковской системы, избыточный капитал на депрессируемых сегментах рынка перемещается на сегменты, где существует потенциально повышенный спрос, вследствие действия естественного механизма перелива капитала. Соответственно, нормализуются и отношения взаимозаменяемости между производственными факторами. Рассмотрим этот ключевой вопрос поподробнее. Да, именно на микроуровне в рамках современного рынка может быть реализована в

¹ Здесь, конечно, надо учитывать крайний разброс в условиях несовершенного рынка оптимальных стратегий поведения предприятий, в значительном числе случаев отличающихся от максимизации прибыли.

принципе равновесная модель портфельного выбора инвестиций. Однако для этого требуется выполнение главного условия – наличие саморегулирующегося механизма выравнивания доходности капитала по различным направлениям его вложений, объективно опосредуемых движением потоков производственных инвестиций. Однако существующий российский рынок капитала как раз отличается тем, что здесь возрастание нормы доходности на отдельных товарных рынках не сопряжено с увеличением производственных инвестиций. Так, как показывает конкретный анализ, доходность ценных бумаг компаний определенной отраслевой принадлежности совершенно не коррелирует с динамикой производственного накопления.

Три наиболее весомые причины, объясняющие указанное явление, следует выделить.

Во-первых, как было выяснено ранее, на структурно деформированных сегментах рынка не действует механизм конкуренции, приводящий к росту спроса и снижению издержек. Действующие производители просто не заинтересованы в дополнительных инвестициях, связанных с расширением товарного предложения.

Во-вторых, применительно к постсоциалистической экономике неограниченная либерализация в кредитно-денежной сфере, ранее бывшей объектом полной государственной монополии, приводит к длительной дестабилизации на финансовом рынке. Судя по конкретному анализу результатов реформирования в постсоциалистических странах¹, практически во всех из них до сих пор наблюдается явное преобладание в составе финансовых ресурсов краткосрочных активов в ущерб долгосрочным.

Наряду с политическими и внешнеэкономическими факторами (мы их пока не рассматриваем) такая ситуация была вызвана и целым рядом факторов, связанных с внутренней либерализацией. Прежде всего спекулятивный спрос на краткосрочные финансовые активы оказался обусловлен резким усилением инфляции и будущих инфляционных ожиданий. Не менее важен и фактор структурной инфляции. На структурно деформированных сегментах рынка происходит либо взлет, либо, наоборот, падение цен (относительно их среднеарифметического уровня). Вследствие таких постоянных и объективно труднопредсказуемых изменений ценовых пропорций объективно возникает широкое поле для спекулятивных операций, в том числе бартерных. Особенно стимулирует спекулятивный оборот опережающий рост цен в зоне естественной монополии, вызываемый “льготной” приватизацией и

¹ См.: Economic survey of Europe in 1994-1995. New York, 1995.

освобождением цен на внутреннем рынке помимо либерализации внешнеэкономических связей.

Третья причина, которую следует выделить особо, заключается в изначально низком уровне эффективности инвестиций и, соответственно, капиталоотдачи, как раз по структурно деформированным сегментам рынка. Как следствие, потенциальные акционеры и кредиторы сталкиваются с заведомо неблагоприятными ожиданиями результатов инвестиционных решений. Для частных инвесторов более предпочтительны реальные вложения капитала на тех сегментах рынка, где не требуется длительное время для преодоления технологического разрыва и в целом разрыва в производственной эффективности. По сути дела в том, что частные инвесторы выбирают быстроокупаемые проекты, не требующие значительных задельных инвестиций, убеждает весь опыт российского перехода к рынку. Тем более в случае открытия каналов для экспорта капитала более выгодными окажутся вложения в зарубежные проекты, причем по тем же отраслям. Иными словами, даже при благоприятном развитии процессов полной либерализации внутреннего рынка и приватизации, сохраняется объективная причина предпочтения со стороны частного капитала инвестиций в другие направления деятельности по сравнению с инвестициями, направляемыми на преодоление низкого уровня производственной эффективности.

Таким образом, на макроэкономическом уровне в случае варианта внутренней либерализации ранее сложившиеся секторные и отраслевые (подотраслевые) деформации сохраняют себя. Часть из них проявляется в наличии отраслевых рынков, где фактически действуют условия монопольного ценообразования и происходит сильная стагфляция, как в большинстве первичных отраслей российской экономики. Наряду с этим имеет место обвальная депрессия по отдельным отраслям (подотраслям), связанная со значительными материальными и, главное, социальными издержками, то есть по крайней мере частично структурные деформации продолжают выступать в качестве лимитирующих факторов экономического развития. В любом случае при варианте полной внутренней либерализации на макроуровне объективно возникает потребность для преодоления лимитирующих ограничений производственной активности. Однако в период исходной либерализации дополнительного капитала, который может быть получен за счет эффективных сегментов рынка, недостаточно, избыточный же капитал в рамках депрессируемых сегментов рынка оказывается незначительным в финансовом отношении и также не представляет серьезного источника для инвестирования в структурную перестройку. Иными словами,

в рамках традиционной модели рыночной либерализации внутренних источников для эффективного накопления просто нет.

Итак, внутренние потенции рынка, формирующегося на основе полной внутренней либерализации постсоциалистической экономики советского типа, явно не позволяют добиться преодоления ранее сложившихся структурных ограничений развития многих секторов народного хозяйства. Такой вариант рыночной трансформации в принципе сопряжен с неограниченным вымыванием целого ряда отраслей и общей производственной депрессией. Но может быть, желаемый результат может быть достигнут за счет сил внешнего рынка – то есть внешнеэкономической экспансии, представляющей центральное звено неолибералистской стратегии рыночной трансформации постсоциалистической экономики?

Попробуем разобраться в неолибералистском подходе к решению многообразных структурных проблем, отличающих российскую экономику. По сути дела, преодоление рассмотренного технологического разрыва, сложившегося на многих сегментах постсоциалистического рынка, предполагается за счет замещения импортом продукции отечественных неэффективных производств и быстрого притока иностранного капитала при условии полной либерализации внешнеэкономических связей. В концептуальном плане такая позиция, определенно базирующаяся на теории сравнительных преимуществ внешней торговли, имеет веские аргументы “за”. Именно посредством замещения импортом неконкурентоспособных товаров и неконкурентоспособных производственных процессов может быть достигнута наибольшая экономизация прямых затрат в процессе преодоления разрыва в производственной (ресурсной) эффективности.

Однако следует учитывать сопряженные издержки, однозначно связанные с проведением такой политики. Так, прямым следствием незамедлительного замещения импортом отечественных производств и импорта капитала в принципе является неограниченное падение стоимости ранее используемых производственного капитала и кадрового потенциала. Это может касаться как действительно неэффективных элементов прежнего капитала, так и потенциально конкурентоспособных производственных технологий и оборудования, квалифицированной рабочей силы. Фактически в заведомо проигрышном положении перед зарубежными конкурентами оказываются даже производители, обладающие эффективными финишными технологиями и возможностями выпуска действительно конкурентоспособной продукции. У них нет достаточных финансовых ресурсов для существенного изменения производственной программы, организации новых хозяйственных свя-

зей и, главное, вхождения на зарубежные рынки – то есть того стартового капитала, который должен быть очень значителен для достижения рыночной конкурентоспособности. В любом случае перед отечественными производителями, если они хотят стать полноценными участниками открытого конкурентного рынка, возникает проблема кредитоспособности – в их успехе должны быть уверены банки или другие кредиторы. Как показывает фактическое развитие финансовых рынков в постсоциалистических странах, большинство предприятий с национальным капиталом испытывают крайние затруднения даже в получении недолгосрочных кредитов для пополнения оборотных средств для быстрого увеличения экспортных поставок¹.

Явно не является панацеей в случае последовательного осуществления неолибералистского варианта создание совместных предприятий с значительным участием иностранного капитала. Несмотря на отсутствие во многих случаях трудностей с начальным капиталом и получением кредитов, и эти предприятия оказываются в очень сложном финансовом положении в период перестройки производственной деятельности на выпуск экспортальной продукции. Неблагоприятный обменный курс национальной валюты, трудности с материально-техническим обеспечением, неотработанность законодательных норм – таковы основные факторы, обуславливающие значительные финансовые потери. Кроме того, даже по потенциально конкурентоспособным видам деятельности участие в совместных предприятиях с значительной долей иностранной собственности отечественного капитала может быть финансово невыгодным вследствие его объективно низкой начальной стоимости на мировом рынке.

Также очень значимо косвенное влияние импортозамещения на инфляционные процессы. Рост цен на экспортальные сегментах внутреннего рынка объективно вызывает повышение издержек на других его сегментах, даже в случае достижения умеренной общей инфляции за счет проведения жесткой кредитно-денежной политики. Раскручивание такого рода процесса структурной инфляции оказывается непреодолимым барьером, как показывает опыт стран СНГ, для многих производственных предприятий независимо от их форм собственности. В их число попадают и потенциально конкурентоспособные предприятия, которым просто не хватает времени для необходимой перестройки производственной программы в период инфляционных потрясений, прежде всего связанных с ростом цен на первичные ресурсы.

Итак, можно подытожить. В чистом виде переход на правила открытой рыночной экономики, во всяком случае в рамках периода адап-

¹ См.: Economic survey of Europe in 1994-1995. New York, 1995.

тации, неизбежно сопряжен с очень значительными потерями отечественного производственного капитала, сложившегося в условиях автаркии от мирового хозяйства. Весь опыт российской реформы однозначно убеждает в неприемлемости неолибералистских рецептов для экономики с мощной сырьевой и индустриальной базой. За относительно короткий период времени, ограниченный в основном рамками 1992 г., проведение экономической политики в ультралибералистском духе оказалось сопряжено с огромными потерями – по имеющимся оценкам, безвозвратное сокращение производственных мощностей составило порядка 10%. При этом в очень существенных размерах потеря мощностей произошла именно в потенциально конкурентоспособных подотраслях бывшего ВПК (авиационной, космической, атомной и др.).

Причинами, обусловившими такой неблагоприятный результат, стали поспешная либерализация цен, кредитно-банковской системы и внешнеэкономических связей, а также приватизация сверх допустимых границ в отраслях естественной монополии. В пользу сделанного утверждения можно привести три весомых аргумента.

Во-первых, как и следовало ожидать, поспешная либерализация привела к дальнейшему распространению инфляционного роста цен и производственного спада – stagflation – из первичных отраслей в обрабатывающую промышленность и другие отрасли. В максимальной мере stagflationный эффект проявил себя в рамках структурно деформированных сегментов народнохозяйственного оборота, отличавшихся низкой эффективностью ресурсопотребления и высокой степенью монополизма. Особенно негативный дестабилизирующий эффект оказал рост цен на первичные ресурсы вследствие либерализации их экспорта, в никакой мере не сопровождавшегося улучшением ресурсопотребления. Рост фактических цен вызвал их мультипликативное повышение и столь же сильный спад в смежных отраслях в условиях в основном сохранявшегося ведомственного монополизма.

Во-вторых, обвальная либерализация внешнеэкономических связей вкупе с приватизацией в первичных отраслях вызвали резкое увеличение экспорта первичных ресурсов при одновременном падении их поставок на внутренний рынок (в 1992 г. – более чем на 20%). Этот структурный сдвиг стал сильным дополнительным фактором усиления спада в перерабатывающих отраслях. В итоге, 1992 г. стал периодом stagflationного удара по российской экономике, когда общий уровень цен повысился в 26,2 раза, а уровень промышленного производства сократился на 22,4%.

В-третьих, результаты взаимодействия всех рассматриваемых либералистских процессов, в том числе фактически проведенной привати-

зации банковской сферы на крайне льготных условиях, стало расширение спекулятивного финансового оборота. Речь идет о продаже сырья за рубеж в рамках бартерного обмена, ввозе товаров ширпотреба в обход существовавших правил внешней торговли, спекуляций с крайне неустойчивыми валютами стран СНГ и других каналах “делания горячих денег”. Фактически основная часть финансовых ресурсов, которыми стали располагать коммерческие банки, обслуживала именно спекулятивный оборот, о чем свидетельствует высокий уровень кредитных ставок. В условиях спекулятивного бума и stagflationных потрясений в подавляющем большинстве отраслей закономерно произошел беспрецедентный сброс производственных инвестиций. В промышленности они сократились за 1992-1995 гг. более чем на 60%, вследствие чего не обеспечивалось даже простое воспроизводство основных фондов на большинстве подотраслевых рынков.

С учетом рассмотренных изъянов неолибералистского опыта реформирования отечественного народного хозяйства целесообразно подходить и к оценке сложившейся экономической ситуации после президентских выборов. **Нельзя не признать, что к середине 1996 г. основные целевые ориентиры неолибералистской политики оказались в основном достигнуты: инфляция снизилась до минимального уровня, приемлемым по международным стандартам оказался относительный уровень бюджетного дефицита. Существенно улучшились и такие важнейшие кредитно-денежные параметры, как уровень ставки рефинансирования, процентные ставки по государственным обязательствам и сами процентные ставки коммерческих банков.** Однако это улучшение макрофинансовых показателей произошло при сохранении глубоко кризисного состояния реальной сферы российской экономики, сравнимой только с состоянием экономик западных стран в период “великой депрессии”. Достаточно сказать, что в первом полугодии 1996 г. относительно соответствующего периода 1989 г. объем промышленной продукции составил только 41,2%, объем сельскохозяйственной продукции – 67,1% а капиталовложения – всего 22,3%.

Неутешительны и сами итоги структурной трансформации реальной сферы российской экономики за период рыночной реформы. Приводимые ниже данные (см. табл. 1) однозначно говорят о произошедшей **примитивизации структуры отечественного народного хозяйства**, прежде всего проявляющейся в кардинальном усилении его сырьевой ориентации при падении значимости индустриальных отраслей, высокотехнологичных в их числе.

Так, за 1990-1995 гг. доля основных первичных отраслей (электроэнергетики, топливной промышленности, черной и цветной металлур-

гии) увеличилась в совокупном выпуске (в ценах конечного потребления) с 11,7% до 21,2%. Конечно, такой сдвиг произошел во многом вследствие повышения цен на первичные ресурсы, главным образом в топливно-энергетическом комплексе – за тот же период сводный индекс цен в ТЭК превысил индекс цен по промышленности в целом не менее чем на 150% (!). Вместе с тем и вызванное ценовыми факторами увеличение значимости в воспроизводственной структуре указанных отраслей, где произошло повышение доли занятых в их общей численности, оказалось весьма существенным. Особенно усилилась экспортная ориентация первичных отраслей: за 1990-1995 гг. доля экспорта в продукции ТЭК увеличилась с 21,2% до 28,2%, черной металлургии – соответственно с 22,4% до 35,6%, цветной металлургии – с 16,7% до 55,1% (!). В то же время, по официальным данным, удельные уровни потребления топлива, тепловой и электрической энергии по большинству отраслей народного хозяйства не снизились. Тем самым так называемый технологический разрыв относительно западных индустриальных стран еще более усилился за период рыночной реформы.

В то же время показатели, характеризующие удельные веса в численности занятых и в величине совокупного выпуска (в ценах конечного потребления) по инновационно-инвестиционным отраслям (науке и научному обслуживанию, машиностроению и металлообработке, строительству) сократились очень существенно – соответственно на 7,9 и на 12,7 пунктов. Беспрецедентно упала и доля отечественного машиностроения в экспорте – с 34,5% в 1990 г. до 9,1% в 1995 г. Более того, по существующим экспертным оценкам, доля наиболее современного, V технологического уклада, в машиностроении сократилась примерно вдвое. Данный результат прямо связан с фактически неощутимой отдачей от конверсии в плане реализации высоких технологий в гражданской промышленности (в определенной мере исключение представляет телекоммуникационное оборудование). Крайне мизерными оказались и иностранные инвестиции (включая портфельные) в отечественное машиностроение – за 1995 г. составили всего, по оценке Минэкономики, 165 млн долларов.

Менее существенно изменился совокупный удельный вес в воспроизводственной структуре таких отраслей, как химическая и нефтехимическая промышленности, лесная промышленность, деревообрабатывающая промышленность, целлюлозно-бумажная промышленность и промышленность строй-материалов – с 8,4% до 7,7% по доле в совокупном выпуске и с 5,4% до 5,0% по доле занятых. В их числе в наибольшей мере производственный спад, по официальным данным, затронул лесную и деревообрабатывающую отрасли (фактически они пребывают

в состоянии полной депрессии). В несколько лучшем положении с точки зрения использования производственного потенциала находятся целлюлозно-бумажная промышленность, химическая промышленность, нефтехимическая промышленность и промышленность стройматериалов. Здесь немалое число производителей, в частности и с помощью иностранных инвесторов, достигли весомых результатов, особенно в плане повышения конкурентоспособности своей продукции. Однако в целом рыночная конъюнктура и в указанных отраслях остается неблагоприятной.

Таблица 1

Воспроизводственная отраслевая структура (в % к итогу) экономики РФ*

Отрасли	1990		1995	
	1	2	1	2
Электроэнергетика	0,7	1,8	1,0	3,4
Топливная промышленность	1,1	5,0	1,3	12,0
Черная металлургия	1,0	2,5	1,1	3,2
Цветная металлургия	0,6	2,4	0,8	2,6
Наука и научное обслуживание	4,2	2,6	2,5	0,8
Машиностроение и металлообработка	12,8	14,6	8,9	5,8
Строительство	12,0	8,1	9,7	6,0
Химическая и нефтехимическая промышленность	1,5	3,4	1,4	3,3
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	2,4	2,7	2,1	2,2
Промышленность стройматериалов	1,5	2,3	1,5	2,1
Транспорт и связь производственная	5,1	4,1	7,0	7,7
Сельское и лесное хозяйство	13,2	12,3	14,7	7,7
Пищевая промышленность	2,0	9,8	2,2	5,0
Легкая промышленность	3,0	6,2	2,0	1,0
Транспорт и связь непроизводственная	2,8	1,7	0,9	1,3
ЖКХ и бытовое обслуживание	4,3	2,1	4,9	5,4
Просвещение, здравоохранение, культура, искусство	15,2	5,2	18,0	4,5
Торговля, общепит, снабжение, сбыт, заготовки	7,8	4,2	9,7	10,9
Финансы, кредит, страхование, управление	2,9	5,7	3,8	12,9
ИТОГО	100	100	100	100

*1 – доля занятых, 2 – доля в совокупном выпуске (в ценах конечного потребления).

Источник: Ю.В. Яковец. Экономика России: перемены и перспективы. М., 1996, с. 193.

Весомо повысился, нельзя не отметить, удельный вес в структуре экономики производственной инфраструктуры. Данный сдвиг, впрочем, в основном обусловлен ценовым фактором. Сводный индекс тарифов на грузовые перевозки и индекс цен на услуги связи за период 1992-1995 гг. превысил индекс цен по промышленности в целом на 60%. В большинстве подотраслей производственной инфраструктуры продолжается рецессия при отсутствии серьезных подвижек в росте эффективности. Исключение представляет только область телекоммуникаций; она, как известно, успешно развивается в крупных индустриальных центрах на высокой технологической базе, достигнутой еще до начала рыночной трансформации.

Наиболее же серьезно, как убедительно свидетельствуют приведенные выше данные, ослабла экономическая роль потребительского комплекса. Так, доля сельского хозяйства в совокупном выпуске (в ценах конечного потребления) уменьшилась в 1,6 раза при повышении доли в импорте за 1990-1995 гг. сразу в 1,4 раза, аналогичные показатели по пищевой промышленности составили – соответственно 1,9 раза и 1,25 раза. Легкая промышленность просто подверглась “вымыванию” и замещению ее продукции импортом, о чем свидетельствует беспрецедентная динамика отношения импорта к собственному производству – возросло с 34,8% в 1990 г. до 124,4% в 1995 г. Перед лицом внешнеэкономической либерализации самыми неконкурентоспособными оказались именно эти отрасли. На большинстве их сегментов не возникло условий для выгодного вложения капитала и тем самым для повышения производственной эффективности, жизненно необходимой в конкурентной рыночной среде. Конечно, и здесь есть примеры успешного рыночного развития, в частности в отношении формирования рынков ряда пищевых продуктов в крупных промышленных городах. Однако они не меняют общей негативной ситуации.

Видимо, наиболее противоречивое отношение вызывают структурные процессы, отражающие изменения в сфере нематериальных услуг. Повышение удельного веса сферы рыночных услуг в ВВП (см. табл.2) объективно соответствует современным тенденциям мирохозяйственного развития. Заметный рост на фоне общего кризисного спада зрелищных и телекоммуникационных услуг, повышение качества целого ряда бытовых, транспортных и других потребительских услуг отражают позитивные черты рыночных отношений. Вместе с тем приводимые выше данные отражают падение значимости социальных услуг. Крайне тяжелое состояние многих объектов отечественной культуры, в том числе имеющих общенациональное достояние, бедственное положение здравоохранения, образования, науки, системы социально-

го обеспечения и пенициарной системы – несомненное свидетельство социальной неадаптируемости сложившегося к настоящему моменту распределительного механизма.

Таблица 2

Структура валового внутреннего продукта (в%) по РФ

	1990	1991	1992	1993	1994	1995
Производство товаров, в том числе:	60,9	61,8	49,4	54,2	46,3	49,2
промышленность	35,4	37,6	34,5	38,0	29,0	
сельское хозяйство	15,4	11,5	7,2	8,2	7,0	
строительство	8,9	9,3	6,4	7,3	9,6	
Производство услуг	32,6	36,7	48,7	43,8	51,7	50,8
Рыночные услуги	21,3	24,9	40,5	27,1	29,7	36,9
в том числе:						
транспорт и связь	9,3	6,9	7,5	8,0	9,1	
торговля, общепит, снабжение, сбыт	5,6	11,7	29,4	12,8	16,8	
финансы, кредит, страхование	0,8	2,2	4,7	5,8	7,6	
ЖКХ и бытовое обслуживание	3,5	1,1	1,2	1,4	1,9	
здравоохранение, соцобеспечение	0,4	0,1	0,1	1,5	2,1	
наука и научное обслуживание	0,5	0,7	0,45	0,6	0,4	
образование, культура, искусство	0,3	0,2	0,1	0,4	0,4	
Нерыночные услуги, в том числе:	12,0	11,7	8,3	11,7	14,3	12,9
здравоохранение, соцобеспечение	2,2	2,6	1,6	2,2	2,2	
наука и научное обслуживание	2,0	1,3	0,5	0,7	0,6	
образование, культура, искусство	4,7	3,6	2,8	3,4	4,2	

Источники: Российский статистический ежегодник. М., 1995, с. 243; Россия в цифрах. М., 1996, с. 165.

Наконец, нельзя обойти вниманием произошедший за период 1990-1995 гг. кардинальный структурный сдвиг в сторону повышения народнохозяйственной значимости сферы обращения и управления. Его

следует оценивать весьма неоднозначно. С одной стороны, многие виды торговых и других услуг, обслуживающих процесс реализации общественного продукта, ранее находились в зачаточном состоянии, а теперь приобрели широкий размах, особенно в крупных городах России. С другой стороны, бурный рост сферы обращения и управления (притом, что очень значительная часть доходов, аккумулируемых в рассматриваемой сфере, не фиксируется официальной статистикой) отражает неблагоприятные, экономически антиэффективные перераспределительные процессы, усилившиеся с начала рыночной реформы. По существу общество платит “дань” этой сфере вследствие ее преимущественного положения перед непосредственными производителями.

Таким образом, в настоящий период можно констатировать, несмотря на определенные позитивные моменты, сохранение глубокой структурной деформированности народного хозяйства вкупе с низкой ресурсной эффективностью. Они прямо проявляются в продолжающемся производственном спаде и постоянной угрозе кризисного “пике”.

Как известно, формируемые по затратному принципу цены в первичном секторе вплотную подошли к мировому уровню¹. Приемлемые же для производителей цены на многие виды промышленной продукции делают ее реализацию даже на внутреннем рынке крайне затруднительной; большинство предприятий перерабатывающей промышленности просто не вписываются по своим издержкам в нынешние сырьевые цены. По сути дела при сложившихся народнохозяйственной структуре и экономико-политических условиях цены, во всяком случае за границами потребительского рынка, достигли своего верхнего предела, и инфляционные ожидания теперь не играют роль стимуляторов производственной активности. Тем самым отечественные производители поставлены перед необходимостью существенного повышения эффективности своих производственных затрат. Но для этого требуются достаточно длительно окупаемые инвестиции, которые для большинства производителей в несырьевой сфере оказываются недостижимыми (за первое полугодие 1996 г. объем производственных инвестиций снизился на 20%).

В настоящий момент единственным катализатором развития внутреннего рынка, по справедливому заключению ряда специалистов², остается дальнейшее замещение отечественного производства

¹ Так, цена на электроэнергию в отдельных регионах уже превышает мировую, а на конец I полугодия 1996 г. среднее соотношение внутренних и мировых цен составило по нефти – 71,1%, по дизельному топливу – 88,5%, по бензину – 93,8%.

² См.: Экономический мониторинг России: глобальные тенденции и конъюнктура в отраслях промышленности. Бюллетень № 7.

потребительских товаров импортом, рост жилищного строительства и некоторых видов потребительских услуг. Однако низкая платежеспособность основной массы населения¹ делает эффект влияния увеличения потребительских расходов указанного рода в народнохозяйственном масштабе малозначимым.

Как закономерное следствие, большинство производственных предприятий фактически потребляет материальные ресурсы в долг. Только задолженность предприятиям топливно-энергетического комплекса составляла во втором полугодии 1996 г. более 180 триллионов руб. Наряду с этим самый широкий размах приобрела и продажа промышленной продукции под вексельные обязательства и другие заменители денег, которые очень трудно обратить в действительно ликвидные ресурсы. Колоссальна задолженность предприятий и коммерческим банкам, главным образом по кредитам под залог товарно-материальных ценностей. Возврат этих кредитов во многих случаях оказывается нереальным.

Вполне убедительной выглядит аргументация в пользу того, что в случае отсутствия серьезного “внешнего” вмешательства следует ожидать дальнейшего усиления производственного спада на сегментах рынка, представленных финансово несостоятельными субъектами, и одновременно наступления очередного финансового кризиса. Последний особенно жестко может затронуть депрессивные сегменты рынка – такие, как сельское хозяйство, легкую, угольную, лесодобывающую промышленности и др. Здесь более чем вероятно возникновение обвальной безработицы со всеми вытекающими социальными последствиями, прежде всего на региональном уровне. Такие массовые банкротства наряду с резким падением производственной активности будут неизбежны при таком сценарии событий в большинстве промышленных отраслей, включая наиболее высокотехнологичные, строительстве и сфере малого бизнеса. Как уже показал прошедший опыт российской реформы, такого рода дестабилизирующие процессы сопряжены с значительными безвозвратными потерями производственного потенциала. В любом случае наступление очередного кризисного периода, связанного с отсутствием активного регулирования структурных процессов, отбросит отечественную экономику еще дальше от развитых индустриальных стран. Исправление упущенного, очевидно, займет длительное время.

¹ По данным Госкомстата, в 1995 г. среднедушевые доходы свыше 1 млн руб. в месяц имели только 10,5% населения, в 1996 г., по всем оценкам, результат будет аналогичным.

ВЫБОР СТРАТЕГИИ АКТИВНОГО СТРУКТУРНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

1. Об альтернативных либерализму экономических концепциях.

Постараемся последовательно придерживаться конструктивного подхода. В связи со всеми сделанными критическими замечаниями по поводу реформирования отечественной экономики должен быть дан ответ на очевидный вопрос: существует ли отличная от неолиберализма концепция экономической политики, содержащая в себе рецепты лечения долговременных структурных болезней?

В первую очередь требует рассмотрения противоположная неолиберализму по своим идейным основам кейнсианская концепция¹. В сугубо экономико-политическом аспекте данную концепцию вполне правомерно оценить через призму широкого опыта использования кейнсианских рецептов государственного регулирования экономики в ведущих капиталистических странах и в целом ряде развивающихся стран. По сути дела речь идет о регулировании конечного спроса, в частности инвестиционного, и, более того, долгосрочного экономического роста главным образом путем применения самого широкого набора косвенных рычагов, в первую очередь регулирующих размеры государственных расходов и сам государственный сектор.

Нельзя не отметить, что со стороны ряда экономистов и особенно политиков предлагается в чисто прагматическом плане использовать кейнсианские рецепты преодоления производственной депрессии². Наиболее известный из них заключается в стимулировании с помощью налоговых, внешнеэкономических и других инструментов воздействия конечного спроса, в основном потребительского. Такая стратегия главным образом обосновывается действием знаменитого эффекта мультипликатора. Суть его состоит в том, что в рамках замкнутой экономической системы и прочих благоприятных условиях увеличение потребительского спроса на продукцию отечественных производителей вызывает максимально полный эффект (с учетом всех прямых и косвенных межотраслевых связей) роста спроса в сопряженных отраслях. Однако это теоретическое заключение навряд ли применимо к условиям отечественной экономической жизни, характеризующейся, во-первых, явной неконкурентоспособностью отечественных производителей на

¹ Здесь, конечно, мы не касаемся крайне многообразных теоретических аспектов кейнсианской теории и ее современной модификации некейнсианства.

² Именно заимствованием кейнсианских рецептов отличается экономико-политическая часть программы оппозиционного блока народно-патриотических сил.

большинстве сегментов потребительского сектора, во-вторых, экспортной ориентацией очень значительного числа отечественных производителей в рамках объективно “разомкнутого” российского рынка. В таких условиях широкомасштабная государственная поддержка потребительского сектора явно не будет финансово эффективной, по всей вероятности окажет депрессирующее влияние на состояние рынка капитала и станет дополнительным барьером для притока инвестиций на другие сегменты рынка, в частности, в высокотехнологичные отрасли. Кроме того, как показывает имеющийся опыт, сама по себе фронтальная государственная поддержка однозначно сопряжена с большими финансовыми потерями и серьезным ухудшением состояния бюджета, противоречащего условиям финансовой стабильности.

Не будет преувеличением сказать, что исторически кейнсианская экономическая политика проводилась в экстраординарные периоды – “великой депрессии” в развитых капиталистических странах и начальной индустриализации в развивающихся странах. Политика такого рода вполне закономерно осуществлялась безотносительно к отдельным секторам и отраслям народного хозяйства¹. **Разрешение собственно структурных проблем в практическом плане никогда не входило в круг задач политики кейнсианского типа, поэтому однозначно скептическое отношение вызывает идея ее использования применительно к постсоциалистической экономике.** Еще более неприемлемой представляется практика централизации или во всяком случае полного государственного контроля над инвестициями по примеру некоторых развивающихся стран в 1950-1960 гг., обычно ассоциируемая с некейнсианским курсом. На протяжении всей своей истории социалистическая система хозяйствования отличалась крайней неэффективностью централизованных инвестиций в условиях сложной хозяйственной среды, характеризваемой факторами неопределенности и многоальтернативностью вариантов действий. Впрочем, в ряде постсоциалистических стран реальностью стало проведение в жизнь социал-реформистской политики. Как известно, практически она осуществлялась социал-демократическими правительствами ряда западных стран при заимствовании многих кейнсианских рецептов.

В период распада коммунистической системы, справедливо связываемого с горбачевской “перестройкой”, социал-реформистские модели общественного переустройства закономерно приобрели достаточно

¹ К кейнсианской мы не относим проводившуюся в ряде стран Латинской Америки специфическую структурную политику, направленную на смягчение последствий перелива капитала и трудовых ресурсов из сельского хозяйства в промышленность (См.: S. Wachter. Latin American Inflation. Toronto, 1976).

широкую популярность в постсоциалистических странах. На фоне крайне тяжелого положения последних весьма привлекательной выглядит концепция создания гражданского общества с приоритетом общечеловеческих ценностей – так называемого “народного дома”, экономическая жизнь которого тем не менее основана на капиталистических отношениях. В наиболее “чистом” виде социал-реформистская концепция, как известно, нашла отражение в политике социал-демократических правительств Швеции на протяжении многих десятилетий. Это дает основание в первую очередь ориентироваться на программу шведской социал-демократии.

Было бы явно неправомерным отвергать из идеологических соображений рецепты социал-реформистского происхождения, которые могли бы быть использованы для обеспечения социальных условий процесса перехода к полноценному рынку. Учитывая мирохозяйственный опыт, можно утверждать, что косвенный экономический эффект многих затрат в области социальной политики в принципе очень высок. Речь идет о мерах по нормализации отношений трудового найма, целевой помощи малому бизнесу на региональном уровне для нейтрализации последствий безработицы и др.

Однако очень велика опасность выхода социал-реформистских мер за рамки собственно социальной сферы. Такие тенденции в полной мере проявляют себя в реальной государственной политике многих постсоциалистических стран, особенно стран СНГ. Ясно, что в условиях глубокого кризисного спада и высокой инфляции осуществление широко-масштабных социальных программ и преобразование неконкурентных сегментов экономики, требующее огромных инвестиций, несовместимы. Выход из положения социал-реформисты в постсоциалистических странах (в основном представители бывшего коммунистического истеблишмента) видят в первоначальном достижении социальной стабилизации, но путем существенной денационализации, введения жесткого контроля за большинством цен и в целом априори неограниченного государственного регулирования. В дальнейшем же, в соответствии с их доводами, возникнут возможности для осуществления необходимых структурных преобразований. При таком повороте экономического курса реформирование экономической структуры будет происходить либо на базе старых, вновь восстановленных несущих конструкций, либо отодвигается за обозримые сроки. И то, и другое не сулит благоприятных перспектив для экономик соответствующих стран, отодвигаемых в мирохозяйственном рейтинге на очень далекие места.

Впрочем, объективно оценивая настоящие реалии многих стран постсоциализма, следует считать вполне возможным отказ от будущего

эффективного экономического роста ради текущей социальной стабилизации. Препятствием для этого даже может не стать крайне малопродуктивный опыт проведения экономической политики на социал-реформистский манер еще при коммунистическом руководстве (достаточно вспомнить огромное разрушительное действие “шведского регулятора” – рестрикционного налога на рост заработной платы).

При обсуждении перспектив структурных изменений постсоциалистической экономики советского типа очень большой интерес вызывает и опыт проведения государственной политики на базе идей “экономики предложения”. Как известно, само появление данной позиции связано с реакцией на неработоспособность ортодоксальных либералистских инструментов регулирования в период мирового сырьевого кризиса в 1973-1975 гг. и в 1979 г. Продолжение кризисного спада потребовало целенаправленного экономического стимулирования предложения, для чего чисто монетаристские инструменты регулирования спроса оказались явно недостаточными.

Адепты “экономики предложения”, являясь сторонниками свободного рыночного предпринимательства¹, последовательно ратовали за всемерную поддержку производителей главным образом путем ослабления налогового бремени и дальнейшей либерализации условий их деятельности. Это нашло отражение в проведенном в ряде западных стран законодательном снижении ставок налогообложения. Оно полностью соответствовало постулату “экономики предложения” об эффекте максимального роста доходов, в том числе бюджетных, за счет увеличения товарного предложения, вызванного снижением налогов и другими льготами для производителей (на этом как раз основана знаменитая кривая Лаффера). Кроме того, признавая ограниченность заменяемости ресурсов на рынке капитала, теоретическая модель “экономики предложения” включает в себя и постулат о целесообразности специального стимулирования инвестиций (посредством льгот по амортизации, налогового кредита и пр.).

Рассматривая опыт использования стабилизационной политики, базирующейся на концепции “экономики предложения”, в США в 1980 годах в целом специалисты оценивают его как успешный. Однако следует принимать во внимание заведомую ограниченность во времени применения основных инструментов “экономики предложения”. Как известно, по мере перехода американской экономики в фазу оживления экономическое стимулирование производителей и инвесторов посредством налоговых и иных рычагов было ослаблено.

¹ B. Bosworth. Tax incentives and economic growth. Wash., 1984.

С учетом сказанного, как весьма малореальную можно оценить возможность проведения макроэкономической политики на базе модели “экономики предложения” в рамках глубоко структурно деформированной экономики. Применение универсальных стимуляторов роста предложения по всем секторам народного хозяйства вероятно еще больше усилит диспропорции, в том числе ценовые, между различными отраслями, особенно между экспортбельными и потенциально конкурентоспособными отраслями. В результате произойдет усиление производственного спада, которое может похоронить все надежды на реальную макроэкономическую стабилизацию. Вместе с тем структурно-избирательное использование мощных инструментов стимулирования предложения по отдельным секторам народного хозяйства представляется весьма плодотворным. В пользу этого свидетельствует опыт политики структурного регулирования в развивающихся странах, где в рамках отдельных секторов используются основные инструменты, рекомендуемые адептами “экономики предложения”.

Итак, как мы постарались показать, общепризнанные концепции экономической политики – неолибералистская, неокейнсианская, “экономика предложения” – не могут быть положены в основу стратегии регулирования постсоциалистического российского рынка. На их основе, так же как и на основе социал-реформистских концепций, невозможно преодоление структурных ограничений экономического роста, унаследованных от прежней командной системы, в приемлемые сроки.

2. Концептуальные основы стратегии активного структурного регулирования

Все сказанное подводит к мысли обратить самое пристальное внимание на так называемую неоструктуралистскую концепцию, опирающуюся на эволюционную теорию экономического развития и в той или иной мере апробированной в ряде стран “третьего мира”¹. На наш взгляд, наилучшую отправную базу для обоснования концепции структурного реформирования, непосредственно связанного с постепенной рыночной трансформацией постсоциалистического народного хозяйства, представляет собой именно эволюционная теория экономического развития². Главный вывод этой теории как раз заключается в достижении

¹ Очень обстоятельно эти вопросы рассматриваются в работе: Handbook of development economics. V 1,2. Amsterdam, 1989-1990.

² Ее главные концептуальные положения, как известно, содержатся в еще изданных в 1950 гг. работах А. Льюиса, Р. Нурксе, П. Розенштейн-Родана, Х. Ченери и др. В свою очередь их предтечей являются фундаментальные труды Й. Шумпетера и знаменитая (особенно в настоящее время) работа К. Поляни “Великая трансформация”.

экономического роста за счет постепенных, эволюционных структурных изменений. Применительно к постсоциалистической экономике последнее может быть трансформировано в императив постепенного преодоления структурных деформаций по мере движения к зрелой рыночной системе. Иными словами, речь идет о нормальной эволюции прежней социалистической экономики к зрелому постиндустриальному рынку.

Принципиально важно, что постепенная рыночная трансформация в соответствии с эволюционной теорией не может происходить тем не менее автоматически, без “внешнего” вмешательства. Даже в отношении экономической системы, находящейся на начальной стадии развития, принцип постепенности предполагает вмешательство государства для обеспечения с наименьшими издержками перехода к более высокой степени рыночной эволюции. Для такого перехода требуется **прямая государственная поддержка новых рыночных структур, адекватное усиление стабилизационной политики.** В еще большей степени тезис об обязательности активного государственного вмешательства в процесс рыночного развития относится к экономике, ранее бывшей внерыночной, командного типа. Для ее рыночной трансформации на эволюционных принципах однозначно требуется активное государственное регулирование переходных процессов. Регулирование такого рода очевидно не может не носить избирательный характер по отношению к различным звеньям народнохозяйственной структуры. Тем более сказанное правомерно в отношении экономики с такими глубокими структурными изъянами, как российская.

Применительно к реалиям постсоциализма советского типа главной стержневой линией рассматриваемой стратегии призвано стать **строгое избирательное стимулирование расширения предложения со стороны субъектов формирующегося рынка в процессе долговременных структурных перемен.** По сути дела требуется расширение двух групп задач: 1) расшивка “узких мест” в производственной структуре главным образом путем осуществления эффективных инвестиций – по реализации ресурсосберегающих технологий, созданию необходимой производственной инфраструктуры современных малокапиталоемких производств и др.; 2) поддержание необходимой стабилизации на товарных (подотраслевых) рынках, в том числе в рамках отдельных, так называемых “проблемных” регионов, где происходят объективные депрессивные процессы и кардинальный переход к другой структуре выпуска. Постепенное решение указанных задач на микроуровне должно в конечном итоге привести к преодолению макроструктурных ограничений экономического роста. С этой целью нельзя обойтись без осуществления специфического структурно-избирательного регулирования

ния разных сегментов совокупного рынка (секторов, отраслей, подотраслей). В результате станет возможным преодоление унаследованных от существовавшей в бывшем СССР командной системы глубоких структурных деформаций, которые препятствуют нормальному развитию всех секторов постсоциалистического рынка и его реальному полноценному вхождению в лоно мирового хозяйства.

Узловую проблему представляет согласование стратегии структурного регулирования, базирующейся на эволюционной теории экономического развития, с требованиями собственно экономической стабилизации. Преодоление существующих диспропорций призвано происходить постепенным путем без нарушения объективных ограничений структурных преобразований, приводящего к резким стагфляционным коллапсам на соответствующих сегментах рынка и ухудшению его результирующего состояния. Важнейшая роль в общеэкономической стабилизации отводится как раз регуляторам состояния отдельных составляющих совокупного рынка относительно постоянно происходящих структурных перемен. Следовательно, практическое осуществление антикризисной политики на базе рассматриваемой концепции предполагает интеграцию собственно инструментов структурной политики и широкой совокупности стабилизационных инструментов, по сути своей являющихся структурными регуляторами. Для согласования этих регуляторов, крайне разнородных по своему функциональному назначению и адресной направленности, однозначно требуется их последовательная настройка на взаимоувязанную реализацию стабилизационных и структурных целевых ориентиров государственной политики.

Активное государственное регулирование структурных процессов для обеспечения приемлемой глобальной экономической стабильности отвечает именно реалиям настоящего кризисного периода и одновременно периода перехода к рынку. По мере проведения кардинальных структурных преобразований, влекущих за собой раскрытие способности рыночных механизмов к саморегулированию за счет действия конкурентных сил и особенно рычагов конкурентного ценообразования, необходимость в такой политике отпадает.

В то же время **активная структурно-избирательная политика очевидно не должна выходить за пределы поддержания весомых стимулов к эффективной рыночной деятельности**, в том числе в отношении финансового рынка. Это означает окончательный отказ от попыток реанимирования командного централизованного управления, хотя бы на отдельных рынках или отдельных сегментах рынка капитала и распространения собственно государственного сектора за его объективные границы.

Безусловно, сам переход к стратегии активного структурного регулирования не может быть безболезненным. В нашей стране, видимо, нельзя будет избежать временного отступления от принципов “чистой” рыночной демократии, обусловливаемого последствиями поспешной либерализации и неоправданно льготной приватизацией на многих сегментах рынка. В практическом смысле это подразумевает прежде всего существенное ограничение масштабов приватизации в первичных отраслях, пересмотр результатов приватизации отдельных предприятий в других отраслях и повышение реальной конкурентоспособности в финансовой сфере, особенно среди коммерческих банков.

Итак, попробуем выделить главное в аргументации в пользу стратегии активного структурного регулирования. Происходившее в рамках вне рыночной, командной системы принудительное перемещение производственных и особенно инвестиционных ресурсов между отдельными сегментами народнохозяйственного оборота обусловило заведомо низкую эффективность экономической деятельности в отдельных отраслях и целых секторах с точки зрения и конечных результатов (как в значительной части ВПК), и производственных затрат (как в большинстве подотраслей сырьевого и аграрного секторов). Именно вследствие этой неэффективности сложились объективные структурные ограничения развития российской экономики к началу ее рыночной трансформации. Существующая неолибералистская стратегия преодоления структурных деформаций, предполагающая неограниченную внешнеэкономическую экспансию, не представляется приемлемой, поскольку неразрывно связана с безграничным вымыванием производительного отечественного капитала. Альтернативой такой стратегии выступает стратегия, целеориентированная на преодоление структурных деформаций посредством активного государственного вмешательства и укладывающаяся в рамки эволюционного пути рыночного развития. По сути дела государство должно возместить ущерб, ранее нанесенный народнохозяйственному потенциалу в итоге деформации его структуры. Иной подход – преодоление указанного ущерба на чисто рыночной основе за счет привлечения частного капитала, объединяющего на равноправной основе отечественный и иностранный капиталы, просто невозможен в силу недостаточной рентабельности потребных первоначальных инвестиций.

Следовательно, первоочередным результатом государственного вмешательства призвано стать преодоление низких уровней эффективности рыночного инвестирования в ранее структурно деформированных сегментах народного хозяйства. Основные практические шаги по решению этой задачи хорошо известны. Они связаны с реализацией разно-

образных подпрограмм и отдельных проектов в области ресурсосбережения, с созданием необходимых элементов рыночной инфраструктуры в “отстающих” по своей эффективности отраслях (сельском хозяйстве, ряде промышленных подотраслей, в подотраслях связи, транспорта и др.), с распродажей или реализацией избыточных мощностей в конверсируемых подотраслях бывшего ВПК и депрессируемых отраслях. В итоге успешного осуществления этих задельных инвестиций государство возместит ранее нанесенный ущерб – в периоды командной экономики и поспешной либерализации – и в дальнейшем станет полноценным участником инвестиционного процесса.

ОСНОВНЫЕ ДОМИНАНТЫ СТРАТЕГИИ СТРУКТУРНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

1. О состоянии государственной структурной политики

Отправляясь от приведенной аргументации концептуального характера, попробуем перейти непосредственно к экономико-политической проблематике. Нельзя не подчеркнуть, что после завершения шоковой либерализации и определенного изменения правительственного курса в конце 1992 г. вопросы структурных преобразований не обходятся вниманием при принятии государственных решений. Практически во всех правительственных документах стратегического характера задачи структурной политики выделяются в качестве первоочередных наравне с задачами общеэкономической и социальной стабилизации.

Вместе с тем, приходится констатировать, что до сих пор на правительственном уровне не выработан стратегический курс в отношении структурного реформирования отечественной экономики. Такое критическое заключение позволяет сделать пристальное ознакомление с официальными документами по вопросам экономической политики, прежде всего с правительственной программой на 1995-1997 гг., последней общефедеральной инвестиционной программой и рядом отраслевых программ.

Фактически в указанных официальных документах содержится только перечень целей структурной перестройки отдельных отраслей, причем не определены приоритеты решения этих задач относительно друг друга. Такой “отраслевизм” экономической стратегии, как показывает еще опыт командного управления советской экономикой в 1970-х годах, явно недостаточен и не имеет шансов на успех. Совре-

менная, высокоиндустриальная рыночная структура не может быть создана по узким отраслевым коридорам. Становление современного рынка капитала станет реальным, судя по всей мирохозяйственной практике, только при условии свободного межотраслевого перелива ресурсов и максимальной диверсификации производственной и финансовой деятельности рыночных субъектов.

Не добавляет оптимизма и изучение многочисленных программ структурной перестройки отдельных отраслей, одобренных правительством за самое последнее время. Все эти программы, не подкрепленные реальными финансовыми ресурсами в условиях сохраняющегося бюджетного дефицита, представляют собой сугубо индикативные, рекомендательные планы развития соответствующих отраслей. Однако никакого механизма для обеспечения целеориентации самих предприятий, ныне самостоятельных рыночных субъектов, на решение задач структурной перестройки не предложено. Неясным остается основной момент – какие интересы могут мотивировать негосударственные предприятия к проведению структурных сдвигов, неизбежно связанных с значительными инвестициями. Эта неясность усугубляется крайней незавершенностью приватизационного процесса в большинстве отраслей, прежде всего в плане формирования состава стратегических инвесторов.

Конечно, нельзя обойти вниманием принятые правительственные решения по совершенствованию регионального экономического регулирования в соответствии с новой концепцией Федерализма. Долгосрочный курс на преодоление диспропорций в уровнях регионального развития, зафиксированный в ряде программ (в частности, развития малых городов), следует оценивать как составную часть стратегии структурной политики¹.

Вместе с тем до настоящего времени практическая реализация новой региональной политики явно не способствует преодолению структурных деформаций и даже, возможно, усугубляет их. Специалистам нет нужды доказывать, что на региональный уровень не может быть перенесено решение отраслевых и тем более межотраслевых проблем. Прерогативы региональных органов управления естественным образом ограничиваются рамками собственно региональной экономики, основу которой призвана составлять региональная инфраструктура.

К сожалению, происходящие процессы внеэкономического характера приводят к тому, что регионам начинает отводиться слишком

¹ Подробное рассмотрение собственно регионального аспекта структурного регулирования выходит за рамки данной ограниченной по объему работы.

большая роль в развитии всей производственной сферы, включая сырьевые отрасли и отрасли бывшего ВПК. В большинстве региональных программ предполагается самостоятельное участие региональных финансовых фондов, пополняемых, как известно, в значительной части из федерального бюджета, в акционерном капитале промышленных предприятий, в том числе в отраслях естественной монополии. Неизбежным следствием такой практики становится нарушение нормального хода формирования конкурентных товарных рынков в масштабах всей страны: в одних регионах с относительно благополучным финансовым положением отдельные предприятия получают дополнительную поддержку, а их конкурентам в финансово неблагополучных регионах никакой поддержки не оказывается. Это определенно обуславливает усиление так называемой региональной суверенизации, что в перспективе представит реальную угрозу для сохранения целостности всего народного хозяйства страны.

Как справедливо отмечается многими специалистами, в федеральных и тем более региональных программах не определены конкретные шаги по достижению предполагаемых целевых ориентиров производственного выпуска по отраслям и в целом не обоснованы средства решения задач структурных преобразований в реальном масштабе времени.

По сути дела основным фактором успешной структурной перестройки промышленности декларируется создание благоприятного инвестиционного климата и выгодных условий для направления сбережений рыночных субъектов на производственные инвестиции. По замыслу разработчиков правительственных программ стабилизация производственной активности и снижение инфляционного навеса сами собой повлекут рост долгожданных инвестиций в высокоэффективные и конкурентоспособные производства. Он в свою очередь будет сопряжен с желаемыми сдвигами в экономической структуре, прежде всего прекращении падения и в дальнейшем увеличении доли перерабатывающих отраслей в промышленности, кардинальном повышении роли высокотехнологичных отраслей, становлении новых инфраструктурных подотраслей, постепенного снижения доли первичных отраслей и существенном ослаблении зависимости от экспорта первичных ресурсов.

Вне всякого сомнения, ряд принятых правительством решений, особенно по стимулированию инвестиционной активности, будет иметь позитивное значение. Речь идет в первую очередь о снижении ЦБ ставки рефинансирования (до 60%), создании организационных условий для страхования инвестиций и привлечения иностранных ин-

вестиций на принципах раздела продукции, намечаемом внедрении новой налоговой системы.

Однако только такого рода мер, в духе западноевропейского опыта, явно недостаточно, как следует из всего предшествующего анализа, для исчезновения глубоких структурных изъянов российской экономики. В рамки традиционной, применительно к практике развитых капиталистических стран, политики рыночного регулирования явно не укладывается решение таких глобальных задач структурной перестройки, как преодоление технологического разрыва в процессе использования сырья, эффективной конверсии высокотехнологичных предприятий бывшего ВПК, преобразования крупных сельскохозяйственных предприятий, сокращении до разумного уровня репрессируемого сектора и др. Здесь необходимы специфические средства воздействия по различным направлениям структурных преобразований, о чем свидетельствует и общеизвестный мирохозяйственный опыт.¹⁾

Впрочем, в ряду мер государственной политики особо следует выделить инициированный правительством Федеральный Закон "О финансово-промышленных группах" (ФПГ). В чисто прагматическом плане именно финансово-промышленным группам многие представители правительственных кругов отводят основную роль в достижении долгожданного инвестиционного оживления. В соответствии с указанным Законом рыночным агентам предоставляются самые широкие возможности, принимая во внимание существующее трудное финансовое положение государства, для консолидации капитала в ФПГ. Особенно существенное значение имеют условия участия в ФПГ коммерческих банков, фактически предоставляющие беспрепятственные, не связанные с дополнительными финансовыми издержками возможности для получения контроля над акционерным капиталом. Тем самым, по замыслу разработчиков, будет достигаться максимальное согласование интересов представителей промышленных и финансовых компаний.

Безусловно, говорить о практических результатах деятельности ФПГ пока преждевременно. Тем не менее можно констатировать, что надежды на широкомасштабное участие финансового капитала, прежде всего крупных коммерческих банков, по крайней мере в текущем производственном процессе явно не оправдались. По-прежнему поистине огромен недостаток большинства промышленных предприятий в собственных оборотных средствах, о чем свидетельствует и беспрецедентный в мировой практике размер взаимной задолженности

¹ Он подробно описан в многочисленных публикациях Всемирного Банка (См., например, World Development Report. 1984, 1985. Oxford, 1985, 1986.).

предприятий – составил к концу 1 полугодия более 300(!) триллионов рублей.

По крайней мере три ряда аргументов можно привести в пользу прогноза относительно скромного участия крупных финансовых субъектов в ФПГ. Во-первых, на сегодняшний день очевидно наличие явно более выгодных каналов использования банковского капитала, нежели помещение его в активы ФПГ с достаточно ненадежными перспективами, опять-таки памятуя о незавершенности процесса приватизации и вероятности усиления макроэкономической дестабилизации. Помимо текущих операций с краткосрочными финансовыми активами, главным образом ценными бумагами, основные активы отечественных коммерческих банков работают на зарубежных финансовых рынках. Привлекательность последних, по однозначному мнению экспертов, обусловлена фактором надежности.

Во-вторых, что не менее существенно, большинство коммерческих банков не готовы к разделению своей деятельности на текущие операции и долговременные инвестиционные за рамками финансовой сферы. Наряду с отсутствием аппарата для проведения инвестиционного менеджмента принципиальное значение имеет значительное уменьшение ликвидности банковских активов в случае длительного отвлечения капитала на инвестиционные цели. Мировоззственный опыт свидетельствует о целесообразности выделения в составе финансовых институтов инвестиционных банков и инвестиционных фондов, специализирующихся на финансировании и менеджменте именно долгосрочных инвестиций. Такое желаемое изменение структуры финансового капитала не может не занять длительного времени даже при создании благоприятного инвестиционного климата.

В-третьих, диапазоны направлений инвестиционной деятельности, где достигается приемлемый финансовый эффект, весьма узки. И они в основном уже заняты иностранными инвесторами и рядом крупных отечественных банков. Для преодоления же низкого уровня финансовой эффективности инвестиций обязательно требуется дополнительное государственное вмешательство. В любом случае оно должно занять достаточно длительное время, в течение которого ФПГ смогут играть заметную роль в процессе структурных преобразований.

2. Цели структурных преобразований

Неразработанность реальной стратегии структурной политики в первую очередь связана с неопределенностью в постановке самих

целей структурных преобразований. На наш взгляд, для этого вполне может быть использован общепринятый в зарубежной практике подход, связанный с заданием самых общих качественных желаемых характеристик макро- и микроструктуры народного хозяйства.

Рациональность макроструктуры индустриального рыночного хозяйства определяется, как правило, следующими характеристиками:

- преобладающая роль в промышленной структуре высокотехнологичных отраслей (подотраслей), максимально адаптированных к использованию достижений новейшего этапа научно-технической революции;
- вымывание многих традиционных методов производства и целых подотраслей, замена ряда массовых ресурсов новыми искусственными материалами;
- рациональное сочетание крупных, средних и малых промышленных предприятий;
- формирование аграрного сектора, полностью отвечающего современным рыночным стандартам;
- становление технически и технологически преобразованных отраслей сферы услуг на базе реализации новых систем информатизации;
- формирование инновационной сферы, служащей генератором авангардных технологий¹);
- преобразование социальной сферы в соответствии с критериями максимизации общественной полезности.

Соответственно, будущая микроэкономическая структура призвана способствовать желаемым макроструктурным изменениям в условиях действия полноценных рыночных механизмов. Исходя из этого к основным чертам рациональной микроструктуры обычно относят следующие:

- постоянное повышение производительности за счет оптимального сочетания материало-, энерго- и трудосберегающих технологий;
- создание новых продуктов и усовершенствование ранее выпускаемых исходя из требований максимального разнообразия и повышения качества при параллельном создании новых рабочих мест;
- оптимальное приспособление к изменениям спроса посредством диверсификации производства и выхода на новые рынки;
- постоянный рост объема и одновременно эффективности затрат на НИОКР.

Применим ли рассматриваемый подход к определению желаемых ориентиров структурных преобразований к российской экономике при всем ее своеобразии?

Попробуем рассмотреть основные контраргументы. Наиболее распространенный из них очевиден – российская экономика отличается доминирующей экспортной направленностью в отношении сы-

¹ См.: Ю.В. Яковец. К новому облику структуры экономики России. М., 1991.

рьевых ресурсов. Однако в случае широкомасштабного привлечения отечественных и иностранных инвестиций и, как следствие, полного преодоления технологического разрыва в ресурсопотреблении развитие сырьевых отраслей российской экономики будет главным образом предопределяться потребностями мирового рынка. По всем глобальным прогнозам спрос на большинство первичных ресурсов в течение ближайшего десятилетия существенно уменьшится. Последнее дает основание полагать, что удельный вес в валовом национальном продукте первичных отраслей не должен очень значительно превосходить общемировой уровень.

Другой существенный довод против использования общепринятого подхода к постановке целей структурных преобразований также хорошо известен. В значительной мере потенциал военно-промышленного комплекса, доставшегося России в наследство от бывшего СССР, не приспособлен к использованию в рамках современного рынка. Конечно, нельзя отрицать, что результаты реальной конверсии на рыночных принципах оказались крайне мизерны и за последние годы потенциал бывшего ВПК, особенно его высокотехнологичных отраслей, претерпел очень существенное падение. Вместе с тем, исходя из многообразных фактов, можно констатировать сохранение высоких технологий во многих подотраслях бывшего ВПК (таких, как авиационная, атомная и космическая, микробиологическая промышленность и др.) и достаточного кадрового потенциала для конверсии или существенного перепрофилирования деятельности в соответствии с рыночными требованиями. При этом, судя по многочисленным исследованиям, бывшие оборонные отрасли представляют собой крайне выгодное поле для вложения венчурного капитала в конечном счете с целью создания конкурентоспособных высокотехнологичных предприятий самого разного размера и организационных форм. И, как показывает международный опыт, в случае значительного инвестиционного оживления в данных отраслях кардинальное повышение их доли в промышленном выпуске может произойти за быстрые сроки – обычного среднесрочного порядка (5-6 лет).

Вне всякого сомнения, крайне трудным препятствием для трансформации существующей структуры российской экономики к современному высокоиндустриальному типу является и непомерно низкая эффективность аграрного сектора. Однако и это препятствие вполне может быть устранено в случае эффективных новых вложений капитала. Опыт ряда бывших социалистических стран (Венгрии, Чехии) показывает, что в случае необходимой весомой государственной поддержки и обеспечения законодательной базы для развития полноцен-

ных рыночных отношений в аграрном секторе технологический разрыв, в сравнении с западными индустриальными странами, здесь вполне может быть ликвидирован. Тогда, соответственно, и на макроуровне постепенно в перспективе удельный вес аграрного сектора будет отвечать мировым стандартам. Разумеется, в условиях российской экономики по-прежнему остается проблема политических и региональных барьеров реформирования аграрных отношений. Тем не менее есть все основания считать их преодолимыми.

Следует выделить также весьма специфическую роль в условиях нашей уникальной по размерам и территориальным различиям страны, которая сохранится за отраслями инфраструктуры, особенно региональной инфраструктуры. И в долгосрочной перспективе их удельный вес в ВВП, по крайней мере относительно индустриальной сферы, вероятно будет выше общемирового уровня. Тем не менее нет никаких оснований полагать недостаточными возможности для быстрой технологической перестройки инфраструктурных подотраслей и их дальнейшего быстрого роста. Наблюдающийся за последнее время технический прогресс в некоторых из этих подотраслей, в частности в средствах телекоммуникационной связи, и их действительный рост даже при общем производственном спаде вполне подтверждает сказанное.

С учетом всего сказанного, представляется правомерным перспективную модель структуры российской экономики базировать на рассматриваемом подходе, прежде всего связанном с предположением о повышении удельного веса в индустриальной структуре высокотехнологичных отраслей. Конечно, результаты такого рода исследований должны быть существенно специфицированы к условиям российской экономики исходя из долгосрочных прогнозов рынков первичных и продовольственных ресурсов, регионального развития и других факторов.

Сформулированный вывод, впрочем, нуждается в существенном дополнении. Трансформация российской экономики к современному высокоиндустриальному типу, как следует из ранее сделанных выводов, обязательно предполагает преодоление сложившихся структурных деформаций, прежде всего в отношении первичных отраслей, бывшего ВПК и аграрного сектора. Следовательно, долгосрочные императивы структурных преобразований следует дополнить промежуточными целями, определяющими направления преодоления структурных деформаций. Только в этом случае разрабатываемая государственная экономическая политика приобретет "предметный" характер, будучи привязанной к определенным временным срокам.

К настоящему моменту среди специалистов сложился определенный консенсус в отношении самих промежуточных целей структурной перестройки на ближайшую перспективу. В их состав, по общепризнанному мнению, следует включить цели стабилизации основных секторов народного хозяйства – первичного сектора, аграрного сектора, бывшего ВПК и др. Один из возможных вариантов, на наш взгляд, набора основных промежуточных целей структурного реформирования выглядит таким образом:

- достижение современных стандартов ресурсосбережения в первичных отраслях на принципах комплексного использования сырья в максимальном приближении к его источникам, в частности за счет широкомасштабного производства оборудования на машиностроительных предприятиях, прежде всего конверсируемых;
- завершение конверсии на рыночных принципах в потенциально конкурентоспособном секторе бывшего ВПК (в авиационной, космической, химико-технологической, медико-биологической промышленности и др.) и его выхода на внешние рынки;
- сокращение мощностей в депрессируемых отраслях и подотраслях (угольной, а также частично судостроительной, металлургии, нефтехимии, текстильной промышленности и др.) и создание конкурентоспособной среды в отношении оставшихся производителей;
- достижение современного уровня развития перерабатывающей сельскохозяйственной промышленности и сельскохозяйственной инфраструктуры, в целом реформирование аграрного сектора на базе современного, отвечающего рыночным принципам законодательства;
- техническое переоснащение в соответствии с современными требованиями подотраслей магистральной инфраструктуры;
- завершение создания необходимой инфраструктуры для эффективного функционирования малого бизнеса;
- создание остова инновационной сферы, адаптированной к современному рынку;
- обеспечение необходимых стабилизационных уровней потребления в социальной сфере, прежде всего в отношении малообеспеченных групп населения.

Вне всякого сомнения, очень привлекательной представляется количественная оценка промежуточных целей структурного реформирования, прежде всего через абсолютные или относительные показатели производственного выпуска по отдельным секторам. Однако в условиях рыночной неопределенности вкупе с малопредсказуемым влиянием внеэкономических факторов на хозяйственную практику непосредственное задание целей в таком виде представляется едва ли успешным. Предполагаемая вариация соотношений валовых выпусков и цен очень велика, не говоря уже о вариации прогнозируемых финансовых показателей (доходов, прибыли).

Вместе с тем серьезная разработка долгосрочных целевых прогнозов структуры народного хозяйства представляется очень своевременной. Разрабатываемые в настоящее время в ряде научно-исследовательских организаций структурные модели, основанные прежде всего на народнохозяйственном и межотраслевом балансах, в принципе позволяют в первом приближении выявить траектории изменения секторных (отраслевых) выпусков в рамках реальных временных сроков. Таким путем оказывается возможным получить проектировки различных вариантов достижения обозначенных промежуточных целей структурного реформирования. Их сопоставление даст возможность наиболее всесторонне обосновать рекомендации по принятию конкретных решений, прежде всего касающиеся государственной поддержки инвестиций.

Безусловно, непростую задачу представляет обоснование реальности сформулированных целей. Ясно, что они не могут быть достигнуты за счет сильнодействующих средств. Одинаково неприемлемыми следует полагать как огосударствление процесса структурных преобразований, так и использование для его ускорения шоковых рыночных методов, памятуя опыт 1992 года.

Насколько продолжительны сроки достижения промежуточных целей структурных преобразований в случае выбора правильной стратегии?

Как известно из теоретических рекомендаций в области экономической политики, при определении срока достижения данных целей необходимо учитывать действие как чисто производственных факторов, так и самых разных внеэкономических факторов. В условиях российской экономики влияние последних очевидно крайне весомо. Речь идет о по-прежнему очень медленном исполнении решений властных органов, в частности по предоставлению налоговых льгот, о сложном, слишком бюрократизированном механизме экспертизы крупных инвестиционных проектов, о сезонно-климатическом факторе, приводящим к неприемлемому затягиванию строительных работ.

В сугубо технологическом отношении сроки реализации подавляющей части проектов в области ресурсосбережения и комплексного использования сырья, создании рыночной инфраструктуры и по нормализации депрессируемого сектора занимают не более 1,5 лет. Большей продолжительностью могут отличаться проекты в обрабатывающих отраслях, в основном относящихся к бывшему ВПК и магистральной инфраструктуре, однако и их производственное исполнение не должно превышать 3 года. Тем самым с учетом неизбежного

периода “разгона” общей эшелонированности реализации проектов во времени, ограничиваемых 3-4-х летним периодом¹, в целом сроки осуществления инвестиций, направленных на достижение промежуточных целей структурного реформирования, можно ограничить в первом приближении 7- летним периодом.

В итоге, с учетом оценок других экспертов, даже при учете внеэкономических факторов, продолжительность инвестиций, потребных для преодоления структурных деформаций, не должна выходить за рамки среднесрочной или близкой к ней перспективы. Разумеется, оценки сроков предстоящих структурных преобразований могут быть обоснованы на принципиально ином уровне в случае разработки конкретных инвестиционных программ по отдельным секторам народного хозяйства и глобальной координации всех инвестиционных проектов.

Достижение промежуточных целей структурной перестройки в рамках обозначенной перспективы означает, что в дальнейшем возникнут реальные условия для трансформации структуры российской экономики в постиндустриальную.

В качестве наиболее важного из этих условий следует выделить органическую сопряженность рыночных структур на всех фазах производственного цикла. Как однозначно показывает зарубежный опыт, рациональные рыночные структуры, отличающиеся наивысшей эффективностью исходя из требований мирового рынка, призваны охватывать все стадии движения материальных, финансовых и трудовых ресурсов, начиная от инновационной сферы и кончая сферой личного потребления. Применительно к российской экономике это будет означать окончательное исчерпание “затратного” сырьевого фактора, создание новых рынков комплексной переработки сырья и, в конечном счете, новых рынков конкурентоспособной конечной продукции. Только посредством последовательной интеграции процессов добычи первичных ресурсов, их переработки и производства оказывается возможным реализовать очень существенные финансовые и другие преимущества производителей конечной продукции при существующей структуре мировых цен.

Ориентируясь на мирохозяйственную практику, также обязательным атрибутом структуры высокоиндустриального типа является эндогенность инновационного фактора, когда реализация большинства научно-технических достижений происходит имманентно в

¹ Данная лимитирующая оценка представляется правомерной в случае осуществления сжатого во времени антиципационного маневра, описанного в дальнейшем.

ходе чисто рыночных процессов (косвенная государственная поддержка, конечно, не исключается). В практическом плане это будет означать окончательную переориентацию деятельности наукоемких отраслей, ранее в основном относившихся к ВПК, на правила игры, диктуемые мировым рынком. Тем самым станет реальным достижение устойчивого и лидирующего положения на мировых рынках высокотехнологичной продукции – как раз тех рынков, где условия ценообразования наиболее выгодны с точки зрения и производителей, и инвесторов.

К обязательным императивам долгосрочных структурных преобразований следует отнести и достижение полной по мировым стандартам конкурентоспособности традиционных отраслей, в том числе в сельском хозяйстве. Разумеется, это предполагает окончательную нейтрализацию традиционалистских социальных отношений в аграрном секторе, препятствующих развитию полноценных рыночных механизмов на базе современных законодательных норм.

Наряду со сказанным и в долгосрочной перспективе желаемой тенденцией структурных сдвигов останется повышение удельного веса в валовом национальном продукте современных подотраслей нематериального производства. Становление комплекса высоко- и среднетехнологичных инфраструктурных отраслей, формирование которых началось в прошедшие годы рыночных реформ, вероятно, будет предопределять направление значительной части инвестиций.

Наконец, крайне значимой проблемой структурного характера в долгосрочном перспективе останется развитие социальной сферы, исходя из всех стандартов уровня жизни, экологической безопасности и т.д. Применительно к российской экономике на первый план, по мнению специалистов, выдвигаются цели повышения гарантий предоставления социальных услуг, предполагающих кардинальное сокращение масштабов бедности и достижение рационального уровня занятости. В конечном счете материализация этих целей должна обеспечить повышение уровня жизни населения по мере успешной трансформации экономической системы к зрелому постиндустриальному рынку.

Обозначенные императивы структурных преобразований в основном должны предопределить конкретные тенденции в рамках отдельных секторов и отраслей.

Главным залогом их быстрого выполнения призвано стать возникновение благоприятной рыночной среды и особенно полноценного рынка капитала. Как показывает весь мирохозяйственный опыт, достижение высокой адаптационной приспособляемости секторов и от-

раслей народного хозяйства к прогрессивным сдвигам в ресурсной базе и одновременно в структуре конечного спроса возможно в основном на чисто рыночной основе. Быстрое становление по направлениям осуществления структурных сдвигов современной системы рыночных, по существу планово-контрактных связей и действенного конкурентного механизма обуславливает мощную заинтересованность экономических субъектов в постоянном изменении профиля своей деятельности далеко за рамками материального производства, в освоении новых технологий и новых продуктов. И, что чрезвычайно важно, такие структурные сдвиги неразрывно сопряжены с высокоэффективными инвестициями, когда достигается лучший финансовый результат относительно других альтернатив вложения капитала.

Что касается сроков выполнения обозначенных императивов второго этапа структурной трансформации российской экономики, то их оптимистичная оценка в рамках менее чем среднесрочного горизонта представляется вполне реальной. Во всяком случае, как показывает международный опыт, конкурентные силы, в частности механизм ценообразования мирового рынка, способны обеспечить в кратчайшие сроки в условиях либерализованных рыночных отношений скорейшее формирование эффективных структур, в том числе в высокотехнологичных отраслях. Определенное исключение представляет социальная сфера в широком понимании, принимая во внимание ее сегодняшнее кризисное состояние. Однако и эта проблема может быть разрешена в случае претворения в жизнь желаемых структурных тенденций по другим направлениям, дающим материальную основу для преодоления разрыва в уровне общественного потребления относительно ведущих индустриальных стран.

Навряд ли имеет смысл прогнозировать конкретные траектории желаемых структурных изменений за рамками среднесрочной перспективы. Они крайне многовариантны с учетом очень широкого диапазона взаимозаменяемости и взаимодополняемости экономических ресурсов, присущего как раз российской экономике

3. Средства структурного регулирования

Переходя к рассмотрению собственно инструментария структурного регулирования нельзя обойти вниманием один принципиальный момент. Как подчеркивалось ранее, обязательной предпосылкой практического осуществления стратегии структурного регулирования выступает преодоление непереносимых последствий проведения ортодоксальной неолибералистской политики. Речь идет об осуществле-

нии ряда необходимых дискредитационных мер, в том числе внеэкономических. В числе наиболее важных из них выделим следующие (подробное рассмотрение данного вопроса выходит за рамки данной работы):

- пересмотр результатов номенклатурной приватизации в сырьевых отраслях; государственный контроль должен быть реально восстановлен в ТЭКе и большинстве прочих подотраслей добывающей промышленности (государству должно принадлежать не менее 40-50 % активов), а также над экспортом первичных ресурсов;
- в особых случаях проведение временной ренационализации отдельных, потенциально конкурентоспособных промышленных предприятий, имеющих общенациональное значение (путем выкупа акций по первоначальной цене приобретения с учетом инфляции), реализация специальных инвестиционных программ по этим предприятиям с привлечением стратегических инвесторов;
- введение жестких антимонопольных ограничений на деятельность банков – они должны располагать не более 35% активов любых акционерных обществ (как производственных, так и финансовых предприятий), в целях демополизации обеспечение реального доступа на внутренний финансовый рынок ряду крупных западных банков; лишить лицензии и заморозить счета коммерческих банков, нарушающих антимонопольные ограничения и другие правила банковской деятельности;
- существенное сокращение до экономически безопасного уровня размеров внешнего долга страны, для чего потребуются переоформить долги стран-должников, хотя бы частично возратить вклады физических лиц и отечественных коммерческих структур в иностранных банках и провести другие решительные операции;
- усиление борьбы с коррупцией и прочей экономической преступностью, нарушениями законодательства в отношении уплаты налогов и внешнеэкономической деятельности; срочно принятие законодательных актов, предусматривающих ужесточение наказания за запрещенный вывоз стратегического сырья за рубеж, взяточничество в крупных размерах, использование служебного положения в корыстных целях и т.д.;
- расширение прямой социальной поддержки малоимущих слоев населения, оказание неотложной помощи объектам образования, науки и социально-культурной сферы, имеющим общенациональное значение, ликвидация последствий экологических бедствий за счет валютных поступлений от экспорта и частично доходов Центрального Банка и Сберегательного Банка.

Реализация такого рода “стартовых” дискредитационных мер открывает путь для осуществления собственно структурного регулирования в соответствии со сформулированными ранее целевыми ориентирами.

Центральное значение для достижения целей структурных изменений приобретают меры по обеспечению широкомасштабного при-

тока эффективных инвестиций в российскую экономику. Как следует из всех приведенных аргументов, иницилируемая инвестиционная активность должна практически полностью быть целеориентирована на преодоление структурных барьеров на пути эффективной взаимозаменяемости ресурсов, в том числе за счет импортозамещения. Такая значительная метаморфоза в проведении экономической политики по существу предполагает осуществление антиципационного маневра. Суть его состоит в том, что определяющие параметры рыночной конъюнктуры в течение достаточно длительного времени оказываются целенаправленно “настроены на повышение” – на будущее улучшение хозяйственной конъюнктуры за счет эффективных широкомаштабных инвестиций¹. Данный результат в свою очередь возможен единственно при успешном решении двух главных задач. Первая – достижение максимального суммарного, прямого и косвенного, эффекта от автономных инвестиций (так называемого эффекта “вливания”). Вторая – достижение максимального акселерационного эффекта роста производственного выпуска за счет замещения новых технологий на старые, вымывания неэффективных производств и других решений в итоге ожидаемой кардинальной структурной перестройки.

Как было выяснено, в настоящий момент для преодоления структурных деформаций, унаследованных от прежней внерыночной системы нельзя обойтись без значительного государственного вмешательства в инвестиционный процесс, хотя и крайне избирательного по различным сегментам рынка.

По сути дела у государства нет другой альтернативы, кроме как прямо участвовать в процессе накопления общественного богатства в качестве и инициатора, и гаранта. Только таким путем могут быть переломлены существующие производственная рецессия и низкая, притом малоэффективная инвестиционная активность. В результате будет достигнуто кардинальное смещение общественных предпочтений в пользу необходимости накопления производительного капитала и на этой основе обеспечен устойчивый экономический рост.

Конечно, предполагаемое активное, хотя и структурно-избирательное государственное вмешательство в инвестиционный процесс в полной мере несовместимо с принципами “чистой” рыночной демократии. Но такого рода инвестиционная политика отнюдь не противоречит интересам рыночных инвесторов, как раз наоборот, она направлена на преодоление последствий прежних внерыночных деформаций рынка капитала. И в отношении последующей перспек-

¹ В силу своей критической важности вопросы, связанные с обоснованием механизма антиципационного маневра, рассматриваются далее отдельно.

тивы должны будут проявиться все преимущества оценки результатов инвестиционного процесса, главным из которых призвана стать высокая эффективность.

Вместе с тем, видимо, нельзя игнорировать точку зрения ряда специалистов против постановки императива кардинального расширения масштабов производственных инвестиций в качестве цели экономической политики в настоящий период. Главный их аргумент – процесс воспроизводства капитала в отечественной экономике характеризуется относительно невысокими размерами выбытия, близкими по уровню к ряду стран – США, ФРГ и др. В силу этого есть основания ратовать за достаточно умеренные темпы производственного накопления – такие же, как в упомянутых странах. Соответственно, крупномасштабные капитальные вложения целесообразно ограничивать только так называемыми областями роста, где заведомо достигается высокая эффективность.

На наш взгляд, приведенная аргументация не адекватна существующим реалиям. Прежде всего следует отметить, что даже по официальным оценкам относительные размеры выбытия производственного чистого капитала, составившие более 50% на конец 1995 г., существенно превышают норму выбытия производственного чистого капитала в ведущих индустриальных странах – на конец 1993 г. она составила в ФРГ – 43%, в США – 44,8%. Если же принимать в расчет реальный моральный износ основного активного оборудования по действующим технологическим линиям, то этот разрыв резко усилится. По имеющимся экспертным оценкам, в целом по РФ с учетом морального фактора степень износа парка существующего производственного оборудования составляет не менее 60 %¹

Кроме того, надо принимать во внимание жестокий “инвестиционный” голод в период беспрецедентного производственного спада, которым до сих пор охвачена российская экономика. По расчетам Н. Селиверстовой, основанным на серьезной методической базе, безвозвратное сокращение производственных мощностей за 1991-1995 гг. составило не менее 17%². Приходится повториться – для преодоления сложившихся во внерыночную эпоху структурных деформаций, еще более усилившихся за последние годы, недостаточно отдельных, хотя и успешных “точечных” инвестиционных всплесков, по большинству производственных отраслей нельзя обойтись без спрессованного во времени наращивания инвестиционной активности.

¹ См.: В. Федоров, А. Цыгичко, Т. Николаева. Возможности обновления производственного аппарата. Экономист, N1, 1996 г.

² См.: ЭКО, N 4, 1996, с. 26.

Вместе с тем следует согласиться с аргументацией, что фронтальное по стандартам командной системы наращивание производственных мощностей по всем отраслям, ведущее к падению капиталоотдачи и усилению инфляции, было бы губительным для российской экономики, находящейся только на начальной стадии рыночной трансформации.

В данной связи имеет смысл подчеркнуть следующий тезис. До того, как структурные деформации и неразрывно связанный с ними "технологический" разрыв будут сохранять свое лимитирующее влияние на производственную и инвестиционную активность рыночных субъектов, только избирательное регулирование предложения и отчасти спроса по соответствующим "отстающим" сегментам может принести удовлетворительный общий результат в виде стабилизации всего российского рынка. Из этого следует, что решающую роль в обеспечении макроэкономической стабилизации призваны играть неуниверсальные регуляторы, по сути своей относящиеся к структурным. Иными словами, именно стабилизационные инструменты, служащие средством регулирования отдельных экономических процессов, призваны составить основу предлагаемой "смешанной" модели экономической политики, основанной на сочетании инструментов активного государственного регулирования и чисто рыночных саморегуляторов. Как показывает опыт ряда так называемых новых индустриальных стран, с практической стороны такого рода стабилизационная политика может принести впечатляющие итоги¹.

Здравый смысл подсказывает, что проблема количественного соотношения сегментов рынка, где действуют специфические стабилизационные регуляторы, и сегментов, где действует либерализационный режим с его косвенными макростабилизационными регуляторами, может быть разрешена только применительно к специфике определенных стран с несовершенным рынком.

Сегодняшнее экономическое положение в России характеризуется, как было выяснено ранее, крайне значимым влиянием факторов, нарушающих условия эффективного рыночного равновесия по отдельным секторам и отраслям.

Безусловно, в данной связи решающее значение имеет сложившаяся страновая производственная структура. Отечественная экономика отличается прежде всего крайне высокой долей отраслей, в совокупности составляющих зону естественной монополии. Как показывает сама практика последних лет, поспешная рыночная либерализация и приватизация здесь приводят к неприемлемым перекосам це-

¹ См. L. Taylor. Varieties of stabilisation experience. Oxford, 1988.

новых пропорций, колоссальным взаимным неплатежам и общему финансовому кризису.

Регулирование цен и других финансовых параметров рыночной деятельности в зоне естественной монополии является важнейшей прерогативой текущей стабилизационной политики. В постсоциалистических странах, где цены на сырьевых рынках и отчасти промышленных рынках были оторваны фактически от цен мирового рынка, значимость такого регулирования крайне важна. Решающее значение имеет контроль за относительными ценами на первичные ресурсы, условием реализуемости которого должно стать и заключение соглашений между их производителями и потребителями. При этом одной из главных задач структурного регулирования остается доведение уровня относительных цен на первичные ресурсы до мировых, но только по мере преодоления пресловутого технологического разрыва и в первую очередь, решения задач ресурсосбережения в соответствии с мирохозяйственными стандартами.

Сказанное особенно относится к такой стране, как Россия, в которой состояние сырьевых отраслей – в основном зоны естественной монополии – будет объективно предопределять общую тенденцию экономического развития в течение длительного времени. Как уже подчеркивалось ранее, в настоящий момент эффект “ценовой” залушки, когда вследствие неимоверно высоких сырьевых цен заведомо не обеспечивается приемлемая производственная рентабельность, имеет место практически во всех перерабатывающих отраслях.

Наряду с этим в неконкурентоспособных отраслях и тем более депрессируемом секторе наряду с использованием долговременных инвестиций требуется применение инструментов поддержания приемлемой производственной активности, а также специфических налоговых и внешнеэкономических регуляторов. В целом можно утверждать, что степень жесткости финансового регулирования должна различаться по шести секторам: конкурентоспособного (экспортбельного) частного сектора, относительно конкурентоспособного сектора с участием государства (включающего в первую очередь первичные отрасли), сектора потенциально конкурентоспособных отраслей (в основном прежнего ВПК), сектора малого бизнеса (включая услуги), аграрного и депрессируемого сектора.

Кроме того на рассматриваемое количественное соотношение – между структурно регулируемыми сегментами рынка и либерализованными сегментами – очень существенное влияние оказывают факторы монополизации экономической деятельности (помимо первичных отраслей) и связанные с ними факторы, обычно остающиеся

за рамками традиционного экономического анализа. Особо большую опасность таит в себе традиционное для России доминирование властных отношений над рыночными процессами, наиболее наглядно проявляющееся в произволе и коррупции бюрократии, особенно на региональном уровне. Негативные проявления рыночного монополизма и особенно внерыночного монополизма, доставшегося в наследство от прежней командной системы, обуславливают необходимость их нейтрализации с помощью самых разнообразных средств, в том числе чисто административных. Речь идет о совокупности правил (условий), в первую очередь в виде юридических норм, препятствующих монопольной деятельности. Жесткое антимонопольное регулирование призвано максимально учитывать специфику отдельных отраслей, в том числе внутри финансовой сферы.

Не менее весомая роль в условиях постсоциалистического рынка должна принадлежать макростабилизационным общесистемным регуляторам. Последовательная собственно макроэкономическая политика призвана органично дополнять меры по стабилизации отдельных структурных составляющих совокупного рынка.

Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что в период широкомасштабных структурных преобразований состав макростабилизационных регуляторов явно не исчерпывается чисто монетаристскими инструментами. По крайней мере не меньшее значение, как показывает опыт реформирования стран Восточной Европы и бывшего СССР, приобретает увеличение государственных доходов, прежде всего от приватизации бывшей государственной собственности, усиление налоговой дисциплины, особенно во внешнеэкономическом обороте, и др. Успешное применение всех этих общесистемных регуляторов становится возможным, опять-таки судя по практическому опыту, в случае апробации адекватной законодательной базы и, главное, создания действенных институтов по ее реализации.

Сказанное, разумеется, не означает второстепенности традиционных монетаристских регуляторов. Ограничение размеров денежной массы, поддержание приемлемого обменного курса национальной валюты и других задач управления кредитно-денежным оборотом остается важнейшей прерогативой экономической политики. Вместе с тем, как вытекает из ранее сказанного, операции Центрального банка на открытом рынке, прежде всего с государственными облигациями, и другие меры оперативного кредитно-денежного регулирования призваны осуществляться исходя из известных монетарных агрегатов, но в конечном счете "выводимых" из приоритетов антиципации структурных изменений.

Стратегии активного структурного регулирования вполне отвечает и поддержание Центральным Банком в плавающем режиме по типу “скользящего приспособления” обменного курса рубля при его постоянной корректировке в зависимости от изменений внешних и внутренних цен. При этом предполагается в кратчайшие сроки доведение до минимума интервенционистских валютных операций Центрального банка, поскольку “зависание” обменного курса рубля наносит прямой финансовый ущерб как отечественным экспортерам, так и большинству иностранных инвесторов. Такая специфическая кредитно-денежная политика в принципе вполне совместима с действующей практикой регулирования обменного курса рубля в рамках периодически изменяемых валютных коридоров. Для этого, впрочем, потребуются в нормативном порядке регламентировать механизм постоянной корректировки границ валютного коридора в зависимости от инфляционных изменений.

Не вызывает сомнения, что в ходе регулирования текущего экономического оборота органичным дополнением общестабилизационной политики призвано стать стимулирование благоприятных структурных изменений применительно к отдельным направлениям экономической деятельности. Это предполагает применение инструментов собственно структурного действия, наиболее существенные из которых хорошо известны: прямое и притом крайне избирательное субсидирование на отдельных депрессируемых сегментах рынка, установление льгот по ускоренной амортизации по перспективным отраслям, предоставление налоговых “каникул” эффективным инвесторам, строго селективное льготное кредитование ресурсосберегающих мероприятий, высокоэффективных стратегически значимых проектов, прежде всего конверсионных, оказание налоговых льгот предприятиям малого бизнеса (включая сферу услуг) для нормализации уровней занятости по регионам.

Принимая во внимание все сказанное, конечно, нельзя не признать беспочвенными сомнения относительно практического воплощения стратегии экономической политики, включающей в себя столь разнородные звенья. Очевидно, что вероятность совместного осуществления очень разнообразных политических действий, сами из которых выполняются при определенных условиях, то есть с определенной условной вероятностью, весьма невелика. Видимо, было бы опрометчиво возлагать большие надежды на разработку подробной программы структурных преобразований и тем более исполнение ее конкретных количественных целевых ориентиров. Слишком велик фактор неопределенности, связанный с реализацией задельных инве-

стиций с государственным участием в ближайшей перспективе и ходом структурных преобразований по их разнообразным направлениям в дальнейшей перспективе.

Несомненно, более реалистичный подход заключается в постоянном взаимосогласовании основных инструментов политики активного структурного преобразования формирующейся рыночной экономики по мере перемен реальной рыночной конъюнктуры по сравнению с первоначальными ожиданиями. С этой целью представляется целесообразной практическая реализация механизма оперативной корректировки основных регулируемых финансовых параметров (к наиболее важным из них относятся централизованно контролируемые цены, обменный курс рубля в рамках зафиксированного валютного коридора, переменные кредитно-денежной политики – процентные ставки по государственным облигациям, нормы резервов банковских депозитов и др.) на базе известной “фиксированно-гибкой” модели. Суть этого механизма сводится к гибкому, но постоянно корректируемому регулированию указанных переменных экономической политики исходя из изменений общей рыночной конъюнктуры, в первую очередь производственной активности и динамики свободных цен в либерализованных сегментах рынка. Фактически параметры состояния структурно регулируемых сегментов рынка ставятся в постоянную зависимость от изменений состояния его либерализованных сегментов, что в принципе должно дать возможность постоянно поддерживать гибкое равновесие динамически изменяющегося рынка в процессе активных структурных преобразований и изменений инфляционных ожиданий.

Ключевое значение приобретает постоянная корректировка регулируемых цен в зоне естественной монополии в зависимости от общей ценовой конъюнктуры¹. В настоящее время, наконец-таки, механизм гибкого регулирования применяется в электроэнергетике и газовой промышленности, что зафиксировано в постановлении правительства РФ “О мерах по ограничению роста цен (тарифов) на продукцию (услуги) естественных монополий”. Крайне неотложной остается реализация такого механизма в других областях естественной монополии.

В то же время, как следует из приведенных аргументов, крайне важным представляется достоверная первоначальная настройка регулируемых финансовых параметров на ожидаемые изменения рыноч-

¹ Автор выступал с предложением перейти к постоянному гибкому регулированию относительных цен в зоне естественной монополии еще в 1992 г. (См.: Антикризисная политика :структуралистский подход. Экономика и мат. методы, N2, 1992).

ной конъюнктуры под воздействием предполагаемого антиципационного маневра. Практическое решение этой задачи в основном связано с максимально реалистичной оценкой сценариев антиципационного маневра, в том числе в отношении ожидаемых изменений в финансовой и кредитно-денежной сферах. Правомерно выделить по крайней мере два основных этапа решения: первый – программирование или “таргетирование”, в основном со стороны Центрального Банка параметров кредитно-денежного оборота на базе сложившихся зависимостей исходя из предполагаемых инвестиционных результатов антиципационного маневра и инфляционных ожиданий; второй – все остальные регулируемые финансовые параметры рассчитываются исходя из программируемых параметров кредитно-денежного оборота опять-таки на базе сложившихся зависимостей. Здесь также может серьезно помочь разработка макроструктурной динамической модели экономики РФ, по крайней мере включающей в себя основные производственные сектора, движение государственных финансов, ресурсов Центрального банка, коммерческих банков и других частных финансовых институтов, а также движение материальных и финансовых ресурсов во внешнеэкономическом обороте¹.

В организационно-политическом плане, безусловно, взаимосогласованное регулирование финансовых параметров состояния ряда сегментов рынка возможно только одним субъектом государственного управления. Таковым, учитывая и зарубежный опыт, может стать Центральный Банк. Повышение его роли в регулировании рынка, намного превосходящее рамки традиционного макростабилизационного кредитно-денежного регулирования, объективно отвечает реалиям активного государственного вмешательства в процесс структурных преобразований российской экономики. Как показывает зарубежная практика, национальные банки, занимаясь программированием будущего денежного оборота, обязаны учитывать и все ожидаемые результаты изменений в материальной сфере, в том числе происходящие вследствие государственной поддержки инвестиционного процесса.

Постоянное гибкое взаимосогласование основных регулируемых финансовых параметров призвано быть дополнено необходимыми корректировками государственной политики по остальным направлениям. Конечно, такого рода изменения применительно к усло-

¹ Большая работа в этом направлении проделана целым рядом групп отечественных исследователей. Однако до сих пор в практической деятельности наших центральных экономических учреждений эти ценные разработки реально не используются.

виям налогообложения, регулирования экспортно-импортного оборота и др. не могут осуществляться непрерывно. Тем не менее в случае достижения относительной производственной и финансовой стабилизации и успешного начала осуществления антиципационного маневра есть все основания полагать эти задержки во времени относительно несущественными.

Таким образом, в целом предлагаемая в отношении ближайшей перспективы антиципационная стратегия структурного регулирования очень далека от неолибералистского курса, основу которого составляют универсальные кредитно-денежные инструменты. Рассматриваемая стратегия призвана включать в себя два основных органически взаимодополняемых направления государственного вмешательства: первое – осуществление широкомасштабных заделных инвестиций и самого активного регулирования их финансовой базы с применением внерыночных рычагов, второе – осуществление текущего структурного, в частности антимонопольного и антиинфляционного, регулирования с учетом специфики различных сегментов рынка.

В то же время следует еще раз подчеркнуть обязательность выполнения ограничений государственного вмешательства. Оно ни в коей мере не должно препятствовать становлению полноценных отношений суверенности потребителей и производителей на базе процесса приватизации и появления новых рыночных субъектов. Более того, успешное развитие либерализованного сектора, где главную роль призваны играть рыночные саморегуляторы, является залогом преодоления структурных деформаций, затрудняющего либерализацию других секторов. Несмотря на сохраняющуюся до сегодняшнего дня макроэкономическую нестабильность, либерализованный сектор объективно занимает значительную часть совокупного рынка. В состав этого сектора, руководствуясь критерием близости к полностью суверенным отношениям рыночных агентов, могут быть отнесены отрасли торговой инфраструктуры, строительство в основной своей части, промышленность строительных материалов, многие подотрасли гражданского машиностроения, химическая и нефтехимическая промышленность, целлюлозно-бумажная промышленность и др.

Вместе с тем, рассматривая проблему выбора адекватных средств государственной политики структурного регулирования, следует правомерно оценить их временную ограниченность. Можно предположить, что в дальнейшей перспективе потребность в жестком структурном регулировании отдельных структурных процессов будет ослабевать. Это обусловлено вероятным действием факторов на стороне и

предложения, и спроса. Так, сам по себе постепенный рост масштабов успешной рыночной деятельности, являющийся результатом антиципационного маневра, в “отстающих” отраслях будет сопряжен с окончательным вымыванием неконкурентоспособных производств и тем самым преодолением технологического разрыва и других деформаций. Одновременно под влиянием позитивных ожиданий будущей конъюнктуры должно произойти и увеличение спроса на продукцию по указанным отраслям.

Сама логика стратегических политико-экономических решений в этом плане достаточна ясна. Кардинальное расширение сферы конкурентоспособного рынка, прежде всего за счет отраслей бывшего ВПК, будет знаменовать собой дальнейшее продвижение отечественной экономики по пути вхождения в лоно мирового хозяйства. При этом условии, а также успешной в дальнейшем стабилизации государственных финансов и внешнеэкономического оборота, демополизации банковского сектора и становлении равноправных кредитных отношений, вероятно станет нецелесообразным использование жестких инструментов макростабилизационного регулирования, в первую очередь в отношении обменного курса рубля и норм банковских резервов.

Также по мере устранения монополистических барьеров и возникновения мощного потенциала производства конкурентоспособной продукции на “отстающих” сегментах рынка при параллельном увеличении спроса, вызванного общим экономическим ростом, необходимость в применении здесь неуниверсальных стабилизационных инструментов, прежде всего жестких антимонопольных регуляторов, специфических отраслевых (подотраслевых) внешнеэкономических регуляторов и др., будет постепенно отпадать.

В то же время применительно к российской экономике целесообразность в сохранении специфических инструментов регулирования рыночной деятельности в зоне естественной монополии трудно подвергнуть сомнению. Даже при полном, экономически правомерном достижении эквивалентности цен на отечественные первичные ресурсы с общемировыми ценами необходимость специфического налогового регулирования деятельности в этих отраслях, по всей видимости, останется.

В целом отход от политики активного структурного регулирования отдельных сегментов рынка должен произойти при создании реальных предпосылок к полноценному функционированию рынка капитала, не содержащего в себе преференциальных зон инвестирования, монополизированных отдельными субъектами. Этот рынок, так же

как и рынок текущих операций призваны в основном саморегулироваться под воздействием нормальных неспекулятивных действий рыночных агентов.

По сути дела рассматриваемая стратегия экономической политики, основанной на антиципационном маневре, должна исчерпать себя по мере преодоления дихотомии между инвестиционной сферой и текущим экономическим оборотом. Возникновение самодостаточного механизма согласования текущих и долгосрочных интересов рыночных субъектов станет решающим шагом по пути адаптации отечественной экономики к условиям мирового рынка. На смену политики активного регулирования отдельных сегментов рынка должна прийти политика государственного регулирования полноценного равновесного рынка как единого целого. В рамках последнего, как известно, центральное место отводится общестабилизационному кредитно-денежному регулированию, во многом базирующемуся на известных монетаристских принципах.

Разумеется, и применение рассмотренного ранее достаточно сложного механизма постоянной корректировки ряда ключевых стоимостных параметров (цен в зоне естественной монополии, обменного курса рубля и др.) в основном ограничено периодом активного государственного регулирования структурных преобразований на базе скорейшей антиципации позитивных будущих ожиданий рыночных субъектов. В дальнейшем оно исчерпает себя.

В то же время и в долгосрочной перспективе, как показывает анализ практики всех ведущих западных стран, значение структурного регулирования как направления государственной политики останется очень весомым. “Наводящее” планирование и косвенное экономическое стимулирование инвестиций в так называемых стратегических отраслях, государственная поддержка в целом инновационной сферы, избирательная социальная поддержка – все это важные составные части структурного регулирования, без которых немислимо успешное движение рыночной системы по пути общественного прогресса.

АНТИЦИПАЦИОННЫЙ МАНЕВР

1. О сущности антиципации

Начнем с самого существенного. Активное государственное вмешательство в процесс формирования рынка капитала обусловлено одной из конституирующих черт постсоциалистического рынка. Как

было показано ранее, она проявляется в нерациональности ожиданий субъектов рынка, особенно в отношении результатов долгосрочного вложения капитала и, как следствие, заведомой слабой устойчивости ожидаемых показателей состояния товарных рынков и тем более рынка капитала.

В рамках рассматриваемого типа рынка ожидаемая его субъектами финансовая конъюнктура может быть “подсказана” в итоге целенаправленного государственного вмешательства. Последнее связано как с прямым участием государства в инвестиционном процессе, так и косвенным регулированием финансовых потоков. Речь идет об осуществлении так называемого антиципационного маневра, когда с помощью инструментов экономического регулирования предвосхищается ориентация рыночных агентов на рост инвестиционного спроса в будущем.

Теоретическое обоснование идеи антиципации хорошо, конечно, известно. Достаточно упомянуть капиталотворческую концепцию, наиболее известная версия которой представлена в “Общей теории занятости, процента и денег” Дж.М. Кейнса. Суть этой концепции сводится к целесообразности осуществления реального вложения капитала исключительно под будущий рост спроса, для достижения которого имеется производственный потенциал. Тогда ожидаемый доход от вложения капитала будет достаточно высоким исходя из текущих финансовых условий.

На сегодняшний день состояние большинства промышленных подотраслей как раз характеризуется наличием колоссального неиспользуемого производительного капитала. По данным выборочных опросов (проводимых в рамках программы “Российский экономический барометр”), до сих пор уровень загрузки производственных мощностей большинства промышленных предприятий находится на уровне 60%. И, как показывают результаты большого числа бизнес-планов и инвестиционных проектов, в случае возникновения благоприятных кредитных и инвестиционных условий возможность резкого расширения предложения со стороны соответствующих производственных субъектов вполне реальна. Главное препятствие – ограничения со стороны спроса, выражающееся прежде всего в низкой платежеспособности потенциальных потребителей на внутреннем рынке. Но в случае достижения общепроизводственной стабилизации в дальнейшем откроются возможности для преодоления спросовых ограничений, хотя и весьма постепенного и, главное, структурно-избирательного. При таком сценарии может быть достигнута в конечном счете высокая доходность производственных вложений капитала,

осуществляемых в расчете на полную или близкую к ней загрузку мощностей по конкурентоспособным, во всяком случае в будущем, видам деятельности.

Каким же путем государство в лице своих экономических органов управления может сыграть на “повышение”?

Государство своей активной политикой в состоянии исправить явно недостаточный потенциал существующего рынка к саморазвитию. Путем замещения спекулятивного спроса на финансовые активы и отчасти текущего потребительского спроса на эффективный инвестиционный спрос государство призвано обеспечить антиципацию, хотя и весьма постепенно, будущего эффективного равновесного состояния отечественного рынка.

Успех предлагаемого антиципационного инвестиционного маневра очевидно напрямую будет зависеть от реализации его основных целевых ориентиров. Последние, как следует из теоретических положений и практических доводов, призваны в максимально возможной степени отражать состояние эффективного равновесия рынка и в частности рынка капитала как одного из его составляющих.

Достижение эффективного равновесного состояния совокупного рынка однозначно предполагает преодоление структурных барьеров, прежде всего связанных с ранее рассматриваемым “технологическим” разрывом, на пути движения капитала. Иными словами, все сегменты рынка, за исключением государственной монополии, должны находиться в равном положении относительно вложений капитала. Во всяком случае с точки зрения инвесторов в долгосрочном плане вложения капитала в любые отрасли негосударственного рынка не могут быть заведомо предпочтительными или не предпочтительными относительно вложений по другим отраслям. В силу сказанного в полном соответствии с современной теорией рынка капитала¹, на микроуровне эффективное равновесие рынка капитала будет означать максимальную диверсификацию портфеля активов инвесторов, исчезновение устойчивых разрывов различных секторов в отношении доходности ценных бумаг.

Безусловно, применительно к российскому рынку нельзя игнорировать проблему естественной монополии, которая охватывает большую часть отечественной сырьевой сферы. В соответствии с общепризнанными рыночными принципами естественные монополии, а следовательно, и уровень доходности инвестиций в этой зоне должны регулироваться государством. По сути дела норма доходности частных инвестиций, направляемых наряду с государственными инвести-

¹ См. W. Sharpe, G. Alexander, J. Bailey. Investments. N.Y., 1995.

циями в зону естественной монополии, призвана уравниваться с нормой доходности инвестиций по другим секторам с помощью фискальных инструментов.

Что касается макроуровня, то здесь в условиях динамичных структурных изменений равенство норм доходности по различным отраслям и даже секторам совокупного рынка, как показывает анализ длительных тенденций развития рынка капитала, является маловероятным. Тем не менее в качестве долгосрочного целевого условия представляется правомерным принять отсутствие однонаправленных смещений доходности капитала в пользу определенных секторов негосударственного рынка. Во всяком случае макроэкономические оценки норм доходности капитала по ранее деформированным секторам (RC_1) и ранее рыночно привлекательным секторам (RC_2) в рамках долгосрочного периода должны уравниваться:

$$RC_1 = RC_2 \quad (1)$$

В то же время активное государственное вмешательство в ход накопления капитала призвано происходить в соответствии с общей стратегией постепенной рыночной либерализации и никоим образом не приводить к реанимации прежних внерыночных отношений, влияние которых крайне разрушительно в нынешних реалиях российской экономики. В связи с этим в общеконцептуальном плане представляется правомерным выделить три взаимосвязанных ограничения, которые необходимо выполнить при осуществлении антиципационного маневра.

Первое из этих ограничений заключается в соблюдении макроэкономического финансового равновесия. Государственное участие в структурных преобразованиях не должно приводить к финансовым потерям рыночных субъектов и тем более утрате доверия с их стороны к правам на собственность, принципам рыночного суверенитета. Однозначно неприемлемо, в духе кейнсианской экспансионистской традиции, долгосрочное бюджетное дефицитное финансирование "структурных" инвестиций за счет средств налогоплательщиков. В условиях недостаточно развитой институциональной структуры, в том числе в политической сфере, усиление бюджетного дефицита может привести, как показывает опыт 1992 г., к разрушению самого рыночного уклада, даже в наиболее либерализованных его сегментах (торговле, строительстве и др.).

Второе ограничение касается необходимости в целом сохранения стимулов к текущей производственной и финансовой активности со стороны рыночных субъектов. Недопустимо сокращение текущего совокупного производственного спроса производителей в

большинстве гражданских отраслей, за исключением депрессируемых, и в основных конверсируемых отраслях бывшего ВПК как результата роста государственных доходов. Как опять-таки показывает конкретный опыт проведения российской рыночной реформы: во-первых, дальнейшее утяжеление налогового бремени на производителей влечет за собой падение производственной активности, во-вторых, преодоление производственного спада и достижение хотя бы минимального роста производства на большинстве отечественных промышленных предприятий возможно как раз в случае ослабления налогового пресса.

Наконец, третье ограничение заключается в соблюдении определенного паритета государственных инвестиций и инвестиций частных инвесторов. Очевидно неприемлемо вымывание частных инвестиций за счет их замещения государственными на любых рыночных сегментах, за исключением полностью монополизированных государством (вопрос о целесообразности государственной монополии требует специального рассмотрения). В условиях острого инвестиционного голода, продолжающегося с 1990 г., необходимо добиться максимального эффекта взаимодополнения между государственными и частными инвестициями.

2. Механизм антиципационного маневра

Попытаемся теперь обосновать в первом приближении сам механизм антиципационного маневра в соответствии с сформулированными его основными целевыми ориентирами и лимитирующими условиями.

Безусловно, в качестве важнейших экзогенных переменных модели антиципации прежде всего должны выступать основные параметры состояния отечественного рынка на текущий момент времени.

Важнейшее значение среди них, с точки зрения приоритетов структурного регулирования, имеют сохранение нерациональной структуры производственного и личного потребления, низкая эффективность производственного инвестирования и действие чрезмерных спекулятивных мотивов формирования финансовых активов, включая личные сбережения. Эти явления неразрывно сопряжены с серьезной структурной инфляцией и "технологическим разрывом" в ресурсопотреблении, чрезмерно высоким уровнем процентных ставок и неприемлемо низким инвестиционным спросом. Фактически в настоящих условиях конъюнктура на рынке капитала и, соответственно, уровни банковских процентов, формируются главным образом под влиянием

текущего спроса на деньги, в свою очередь обусловленного преобладающими спекулятивными мотивами.

Таким образом, по существу теперешнее состояние российского рынка характеризуется формальным макроэкономическим балансом инвестиций и сбережений, когда движение значительной части последних происходит вне процесса реального накопления. Смысл антиципационного маневра как раз состоит в преодолении такого “смещенного” равновесия на рынке капитала и целенаправленном кардинальном повышении рациональных ожиданий со стороны рыночных субъектов в отношении эффективности долгосрочных вложений капитала. Это предполагает всемерное стимулирование будущего рыночного спроса, особенно на стагнируемых в настоящее время сегментах рынка, и ожиданий роста будущих доходов, включая и их инфляционные компоненты.

В данной связи принципиальное значение имеет следующее замечание. Рассматриваемая стратегия антиципационной структурной политики в принципе противоречит теории равновесия совершенного, стационарного рынка, основные финансовые параметры которого (прежде всего уровни процентных ставок) отражают нормальный баланс текущих и будущих интересов. Из этой теории однозначно следует, что уровень будущего инвестиционного спроса зависит от ожидаемой нормы процента, в первую очередь складывающейся исходя из текущего уровня процентных ставок. Однако в условиях несовершенного, крайне нестационарного отечественного рынка такая функциональная связь не является закономерной. Здесь возникает возможность предопределения будущих уровней процентных ставок и других финансовых параметров состояния совокупного рынка в результате целенаправленного инвестирования, обуславливающего кардинальное повышение в дальнейшей перспективе доходности капитала.

С учетом сказанного, попробуем ответить на первоочередной вопрос – каким же путем может быть преодолено влияние текущего неблагоприятного состояния рынка капитала и других составляющих совокупного рынка на ход дальнейшего экономического развития?

Единственный, по нашему убеждению, путь состоит в осуществлении по существу автономных, малозависящих от текущей конъюнктуры инвестиций за счет государственной поддержки¹. Эти инвестиции призваны создать плацдарм в дальнейшем для выгодного вложения частного капитала. Иными словами, коренное значение

¹ Формы такой поддержки могут быть очень различны, так же и доля государственного участия в финансировании конкретных инвестиционных проектов задельного характера.

приобретает достижение так называемого эффекта вливания, при котором частные инвесторы получают возможность реализовать высокоприбыльные проекты по завершении первоначального этапа структурного реформирования. Это становится реальным по мере преодоления глубоких структурных деформаций и улучшения состояния рынка капитала, что позволит получать высокий уровень доходов в результате инвестированная (традиционно отражаемый через показатель внутренней нормы доходности – IRR). Более того, ожидаемая норма доходности инвестиций на ряде сегментов рынка, ранее находившихся в длительной стагнации и утративших значительную часть своего производственного потенциала, вероятно, будет выше обычного общемирового уровня.

В то же время, безусловно, исходя из самих принципов рыночной жизни, государственное инвестиционное финансирование вне рамок социальной сферы не может быть убыточным. Как уже отмечалось, искусственное нагнетание инвестиционной активности посредством “даровых” инъекций со стороны государства неоправданно в силу как очень трудного текущего состояния государственных финансов, так и необходимости участия государства в инвестиционном рыночном процессе как равноправного партнера в соответствии с современной практикой.

В соответствии с одним из ранее сформулированных условий антиципации, норма доходности по проектам с государственным участием по структурно деформированным сегментам рынка в рамках обозримого долгосрочного временного горизонта (практически, 15-18 лет) должна максимально приблизиться к ожидаемой норме доходности по проектам с участием исключительно частных инвесторов. Основной довод в пользу такого предположения достаточно понятен. Потенциальный платежеспособный спрос, ориентированный на относительно немонопольные цены нормального, стабилизированного рынка, в рамках структурно деформированных отраслей в большинстве случаев значительно выше фактического. И объективно существующая возможность значительного расширения спроса по этим сегментам рынка как раз и может быть реализована в итоге осуществления задельных инвестиций. Особенно высокий прирост спроса по рассматриваемым сегментам рынка вероятен в условиях общего экономического подъема, который может наступить по завершении периода преодоления существенных структурных деформаций.

Тем самым, несмотря на значительный объем потребных задельных инвестиций, направляемых на преодоление существующего технологического отставания, создание первоначальной рыночной ин-

фраструктуры и т.д., с течением времени они должны окупиться, а в дальнейшей перспективе по мере достижения устойчивых темпов роста всей национальной экономики и принести высокие чистые доходы. Сказанное в полной мере относится ко многим подотраслям сельского хозяйства и пищевой промышленности, большей части подотраслей машиностроения, нефтехимии, деревообрабатывающей промышленности, находящихся в настоящий момент в кризисном состоянии.

Также, представляется, трудно оспорить возможность достижения кумулятивного эффекта роста частных инвестиций по мере проведения антиципационного маневра. Снятие ограничений роста производственного выпуска по большому числу сегментов рынка, открывает путь для увеличения предложения, а следовательно, и спроса по другим сегментам. В последствии в ходе ожидаемой стадии экономического подъема рост спроса на промежуточные продукты будет оказывать стимулирующее влияние на рост спроса по конечным отраслям и наоборот, по всем цепочкам межотраслевых связей. По существу речь идет о претворении в жизнь хорошо известной модели акселератора в циклических фазах экономического роста¹. Их наступления, видимо, следует ожидать после столь длительных кризисного и депрессивного периодов развития российской экономики, когда произошло выбытие огромного объема производственных мощностей.

Принципиально важно, что снятие существенных структурных ограничений экономического роста устранил препятствия для быстрого увеличения частных инвестиций в соответствии с мировыми стандартами. В случае достижения общего экономического подъема ожидаемая в будущем доходность вложенного капитала будет существенно превышать текущий уровень доходности. Следовательно, в чистом виде будет выполняться и традиционный критерий инвестиционных решений, согласно которому ожидаемая норма доходности инвестиций должна превышать сложившийся уровень банковских процентов.

Безусловно, наряду с прямой государственной поддержкой задельных капиталовложений для создания такой благоприятной инвестиционной среды требуется целенаправленное улучшение самих ожиданий предпринимателей в отношении будущих доходов². Это

¹ Крайне сложная проблема адаптации российского рынка к процессу циклического развития, которая станет в будущем очень актуальной, естественно выходит за рамки данной работы.

² Проблема регулирования рациональных ожиданий рыночных субъектов посвящена обширная литература (См., например, Rational expectations and economic policy. Chicago, 1982).

предполагает очень существенную перемену в проводимой до последнего времени стабилизационной политике. Потребуется отказаться от практики максимального налогового давления на производителей, препятствующего росту их производственной активности и крайне затрудняющего самофинансирование инвестиций, от искусственного манипулирования с обменным курсом рубля, приводящего к резкому нарушению условий предпринимательской деятельности прежде всего в рамках внешнеэкономического оборота, от неправомерных методов регулирования банковской деятельности и др. Альтернативой является проведение взвешенного общестабилизационного регулирования немонетаристской направленности с целью формирования позитивных рыночных ожиданий. Прежде всего речь идет о поддержании обменного курса рубля в зависимости от реального изменения цен, гибком регулировании цен, контролируемых государством, путем их постоянной переиндексации, существенном ослаблении налогового пресса на производителей.

В конечном счете вкупе с осуществлением пользующихся государственной поддержкой капиталовложений, вызывающих максимальный индуцированный эффект роста производственной активности, действие этих мер (PR) должно привести к формированию позитивных ожиданий уже в настоящий период в отношении выгодного инвестирования в будущем. Применительно к традиционному критерию инвестирования это означает, что вследствие государственного участия норма доходности частных инвестиций ($IRRe, p$) будет существенно превышать норму доходности инвестиций из остальных источников, включая государственные, и превышать ожидаемую норму рыночного процента (RIe).

Второй по очередности вопрос, который обязательно требует ответа при обосновании механизма антиципационного маневра, также очевиден – за счет каких ресурсов может быть осуществлен инвестиционный “первотолчок”?

Обращаясь к реалиям российского рынка, следует констатировать отсутствие весомых источников накоплений для финансирования широкомасштабных инвестиционных программ с государственным участием. По справедливому заключению многих специалистов, возможности увеличения основных существующих источников финансирования (см. ниже) инвестиций весьма незначительны.

**Структура источников финансирования капиталовложений
(в %) в 1995 г. (без иностранных инвестиций)**

Федеральный бюджет	11,0
Региональные бюджеты	10,5
Льготные государственные кредиты, внебюджетные фонды	10,2
Собственные средства	62,5
Средства индивидуальных заемщиков	3,0
Прочие источники (включая долгосрочные кредиты коммерческих банков)	2,8

Так, очевидно, что возможности увеличения бюджетных источников за счет повышения налогов на внутреннем рынке в условиях сохранения производственной стагнации давно исчерпаны. Неотложной потребностью экономической стабилизации остается снижение налогового бремени на отечественный бизнес.

Несравненно более предпочтительными для пополнения финансовых ресурсов государства являются налоговые и прочие поступления от внешнеэкономической деятельности. Они могут быть увеличены, как отмечалось ранее, в случае реализации принципиальных решений по восстановлению полного контроля над экспортом первичных ресурсов – продуктов естественной монополии и, возможно, пересмотром результатов приватизации в первичных отраслях. Однако расширение доходной базы бюджета за счет этих мер по исправлению издержек поспешной рыночной либерализации наиболее правомерно было бы использовать для решения задач текущей макростабилизации – уменьшения налогов на товаропроизводителей и увеличения адресной социальной поддержки малоимущих граждан.

Существенным источником увеличения накоплений является постоянная переоценка фондов в максимальном приближении к реальной рыночной стоимости, связанная с пересмотром размеров амортизационных отчислений. К настоящему моменту амортизация составляет максимальную долю в источниках финансирования капиталовложений, что отражают приводимые выше данные. Однако и этот источник также практически исчерпан в силу крайне трудного финансового положения предприятий в большинстве промышленных отраслей.

Определенным дополнительным источником самофинансирования инвестиций является ускоренная амортизация активного производственного оборудования. Однако в настоящих условиях, по справедливому заключению экспертов, ее применение правомерно только в отношении нового или недавно введенного активного и морально

неизношенного оборудования, объемы которого весьма невелики. В противном случае следует ожидать резкого повышения издержек производства и неприемлемого с позиции финансовой стабилизации сокращения налогов.

В настоящий период нет никаких оснований рассчитывать на весомое увеличение инвестиционных ресурсов за счет прибыли хозяйственных субъектов. Этот источник инвестирования может стать значимым только при условии коренного улучшения финансового положения большинства предприятий и увеличения на порядок реальной заработной платы их работников, что достижимо только после продолжительного периода общеэкономической стабилизации.

В принципе весомым источником производственных накоплений являются сбережения населения. В настоящих условиях вследствие крайней имущественной дифференциации и сохранения высокой вероятности финансовых потрясений, а также оторванности от инвестиционного процесса подавляющего большинства банков (включая Сбербанк) свободные денежные накопления среднедоходных групп населения, которые могли бы быть реально вовлечены в прямое финансирование различного рода прибыльных инвестиционных программ, крайне невелики. Впрочем, в случае устойчивого снижения инфляции и кардинального улучшения ситуации в распределительной и кредитно-банковской сферах, вне всякого сомнения в достаточно близкой перспективе вполне реальным станет реализация предложений по организации новых форм финансирования строительства личного жилья и его дальнейшего использования, по распространению муниципальных займов и других форм прямого участия населения в инвестициях в региональную экономику.

Существующая практика кредитования государства под залог акций приватизируемых предприятий, рассчитанная на участие коммерческих банков, также не представляется достаточно обоснованной. Сами условия залоговых аукционов, как справедливо отмечалось в печати, не заинтересовывают коммерческие банки приобретать предлагаемые пакеты акций большинства российских предприятий, имея в виду их очень низкую (во многих случаях отрицательную) доходность на фондовом рынке. Исключения составляют высоколиквидные акции крупных предприятий, главным образом в зоне естественной монополии. Однако продажа акций естественной монополии, хотя и временная, фактически означает ее полную приватизацию в ближайшей перспективе, что грозит дальнейшим "зашкаливанием" внутренних сырьевых цен и финансовым крахом всей производственной сферы. Вполне показательным, что кампания по проведе-

нию залоговых аукционов, каждый из которых вызывал острейшие конфликты, очень быстро сошла на нет.

По причине объективной ограниченности указанных выше источников накоплений главным средством для финансового обеспечения крупномасштабных задельных инвестиций может стать максимально активное использование кредитно-денежных инструментов. Речь идет о проведении Центральным банком активных операций с ценными бумагами, прежде всего с долгосрочными государственными облигациями, в первом приближении в размерах 25-35% от совокупного объема предполагаемых производственных инвестиций, т.е. многих триллионов рублей. При прочих благоприятных условиях (в частности стабилизации рынков государственных краткосрочных ценных бумаг) значительное увеличение выпуска долгосрочных государственных облигаций позволит уменьшить реальную, элиминированную от инфляции величину банковских процентов и тем самым добиться кардинального расширения инвестиционной активности.

В результате основным источником финансирования производственных инвестиций могут стать крупные целевые займы. Основными внутренними заемщиками могут стать коммерческие банки, реально располагающие достаточно значительными свободными ресурсами по крайней мере для первоначальных, задельных инвестиций в структурную перестройку¹. Впрочем, в условиях дефицита финансовых ресурсов на внутреннем рынке, в значительной степени связанном с переливом отечественного финансового капитала за рубеж, основными источниками долгосрочных облигационных займов призваны стать иностранные. Прежде всего к ним относятся активы зарубежных частных финансовых организаций и других предприятий, непосредственно связанных с отечественным бизнесом².

Источником для погашения этих займов являются будущие доходы субъектов рынка, получаемые по мере его роста. В то же время выпуск долгосрочных государственных облигаций не должен происходить в покрытие бюджетного дефицита. В противном случае может произойти резкое повышение уровня банковских процентов и, как следствие, произойдет полная нейтрализация эффекта увеличения инвестиций.

¹ По имеющимся оценкам они достигают 200-250 триллионов рублей.

² Востребование дополнительных крупных внешних займов со стороны МВФ, Всемирного Банка и других международных финансовых институтов для кредитования инвестиций, обеспечивающих плацдарм для жизненно необходимых структурных преобразований, априори может происходить в весьма ограниченных масштабах вследствие огромного внешнего долга страны.

Активные операции Центрального банка на рынке долгосрочных государственных облигаций призваны в максимальной мере обеспечивать перенос сроков выплаты государственного долга на будущий, более благоприятный период экономического положения страны. В настоящих условиях распространение облигаций долгосрочных займов представляется целесообразным осуществлять непосредственно среди коммерческих банков и, конечно, зарубежных финансовых организаций. В отношении коммерческих банков вероятно целесообразно применять фактически вне рыночную процедуру подписки на долгосрочные облигации путем комбинирования весомых льгот и санкций, в частности с учетом опыта кредитно-банковского регулирования в Японии. В первом приближении указанная процедура представляется следующей:

- в случае приобретения долгосрочных облигаций на сумму более 30% доходов банков налоги на них уменьшаются на 15% и предоставляется режим наибольшего благоприятствования в отношении деятельности на фондовом рынке;
- в случае приобретения долгосрочных облигаций на сумму 20-30% доходов банков режим их регулирования останется прежним;
- в случае приобретения долгосрочных облигаций на сумму менее 20% доходов банков налоги на них увеличиваются и автоматически закрывается доступ к участию в операциях на фондовом рынке, проводимых под эгидой государственных органов.

В дальнейшем по мере улучшения инвестиционной конъюнктуры и достижения общеэкономической стабилизации взамен предложенной процедуры правомерно осуществление операций с данными облигациями на открытом рынке.

Также весомый источник финансирования инвестиций состоит в получении доходов от ликвидации (складирования) или распродажи на рынке имущества, прежде всего активного оборудования нежизнеспособных предприятий. При этом, разумеется, обязательным условием является эффективное и юридически правомерное осуществление процедуры банкротств предприятий, предполагающее успешную апробацию необходимых законодательных актов и активное государственное антимонопольное регулирование.

Не вызывает сомнения, что наименее затратным способом структурных преобразований является именно такого рода "самоконверсия" в промышленных отраслях и сельском хозяйстве. Однако, как хорошо известно, за прошедший период радикальной рыночной реформы возможности выгодной реализации со стороны государства избыточного оборудования, прежде всего в бывшем ВПК, в значительной мере утеряны вследствие серьезных просчетов в проведении приватизации.

Каковы же основные финансовые условия успешного распространения долгосрочных облигационных государственных займов?

Однозначно в условиях стабильного рынка уровень доходности инвестиций, финансируемых за счет долгосрочных государственных займов (IRg), должен превысить при элиминировании фактора инфляции уровень процентных ставок по ним (RLg). В то же время последние должны быть хотя бы относительно привлекательны и для частных лиц, и для различных субъектов финансового рынка. Это становится реальным в случае превышения текущих процентных ставок по долгосрочным займам над ожидаемыми процентными ставками по долгосрочным депозитам в будущем (RLe). Здесь принципиальное значение имеет то обстоятельство, что само по себе ожидаемое расширение инвестиционного спроса должно приводить к уменьшению ставок процентов по долгосрочным ссудам.

Сформулированные финансовые условия очевидным образом формализуются:

$$IRg > RLg > RLe(1), \dots, RLe(s) \quad (2)$$

Такой благоприятный результат очевидно достигим только в случае последовательного снижения инфляции, корреспондирующего со снижением общего уровня процентных ставок, во всяком случае в рамках периода антиципации (s). При этом речь идет об антиципации снижения темпов инфляции за счет объективного роста в настоящий и будущий периоды рыночного предложения и снижения инфляции издержек, прежде всего на товарных рынках, а не за счет сдерживания инфляции различными рестрикционными мерами. Ясно, что данному условию в корне противоречит до последнего времени проводившаяся политика подавления инфляции спроса за счет сознательных задержек в выплате зарплаты, искусственного сдерживания обменного курса рубля и завышения учетных процентных ставок со стороны Центрального банка, занимающего доминирующее положение на валютном и кредитном рынках.

В целом успешное проведение антиципационного маневра невозможно при жестких ограничениях роста кредитного оборота и тем самым рыночного спроса. Умеренная инфляция спроса, как показывает опыт целого ряда зарубежных стран (в частности Тайваня, Сингапура, Турции), является вполне приемлемым явлением, сопровождающим широкомасштабные структурные преобразования.

Важнейшие меры по обузданию инфляции издержек и в частности инфляции издержек достаточно хорошо известны и предлагались многими специалистами:

- жесткое регулирование цен в зоне естественной монополии;

- кардинальное усиление антимонопольной политики в промышленных отраслях,
- практическая реализация процесса банкротств дифференцированно по различным сегментам рынка;
- улучшение контроля, в том числе со стороны общественных организаций, за сертификацией и качеством продукции в сферах торговли и услуг;
- усиление государственного регулирования внешнеэкономической деятельности на базе действующего законодательства.

Наряду с этим в ряду антиинфляционных мер особое значение для первоначальной аккумуляции финансовых ресурсов для проведения антиципационного маневра приобретает нейтрализация текущего спекулятивного спроса на деньги. Только в случае перекрытия каналов для извлечения сверхдоходов посредством спекулятивных финансовых операций могут быть уменьшены размеры процентных ставок по долгосрочным кредитам коммерческих банков и других финансовых показателей до уровней, означающих перелом тенденции падения реальных инвестиций. В этой связи позитивное отношение вызывает принятое решение по целенаправленному снижению доходности ГКО и других государственных ценных бумаг. В то же время в практическом плане весьма неотложным остается принятие жестких шагов по нормализации правил функционирования фондового рынка, в отдельных случаях очень жестком пересмотре результатов приватизации, главным образом в первичных отраслях, и осуществления других мер, в том числе в области политики доходов.

Следовательно, еще одним из неотъемлемых условий финансирования задельных инвестиций в ходе антиципационного маневра является формирование ожиданий в отношении постоянного снижения процентных ставок, начиная с начального периода ($RIe(1)$) в результате проведения немонетаристской антиинфляционной политики, в том числе направленной на максимально возможное снижение спекулятивного спроса на деньги. Формально (используя в качестве обозначения переменную – PI – для отражения воздействия экономической политики) это может быть зафиксировано:

$$\Delta RIe(t) = \varphi(PI(1), \dots, PI(t)) < 0 \quad (3)$$

Итак, с учетом всего сказанного, главным содержанием антиципационного маневра следует полагать осуществление эффективных задельных инвестиций с государственным участием (IG), вызывающих максимальный индуцированный рост частных инвестиций, наряду с проведением специфических мер экономической политики по двум направлениям – немонетаристского антиинфляционного регулирования (PI) и целенаправленной антиципации будущих ожиданий в отноше-

нии роста рыночного спроса и прибылей (PR). Основное же финансовое условие выполнения антиципационного маневра по завершении первоначального “стартового” периода (r) заключается в превышении ожидаемой будущей доходности частных инвестиций ($IRRe,p$), постоянно увеличивающейся под воздействием указанных средств структурного регулирования, над ожидаемой средней доходностью долгосрочных частных инвестиций на зарубежных рынках ($IRRe,w$) и над ожидаемой рыночной нормой процента по долгосрочным ссудам (Rle) в рамках нормализованного рынка капитала. Формально это выглядит таким образом:

$$t=r,...,s: \Delta IRRe,p(t) = f(IG(1),...IG(t), PR(1),...PR(t), PI(1),...PI(t)) > 0$$

$$IRRe,p(t) > IRRe,w(t) \quad (4)$$

$$IRRe,p(t) > Rle(t)$$

Итак, можно подытожить. Предлагаемый антиципационный маневр включает в себя взаимосвязанное решение во времени следующих задач:

- 1) достижение максимально возможного эффекта “вливания” от реализации задельных инвестиций в отношении последующих частных инвестиций;
- 2) проведение твердой стабилизационной политики, в частности направленной на постоянное антиципируемое снижение инфляции и регулирование цен в зоне естественной монополии; результатом этой политики должно стать формирование высоких рациональных ожиданий со стороны рыночных субъектов в отношении будущих доходов, включая их инфляционную компоненту;
- 3) аккумуляирования очень значительных ресурсов, главным образом посредством долгосрочных займов, для финансирования задельных инвестиций с государственным участием;
- 4) кардинальное уменьшение текущего спекулятивного спроса и, как следствие, значительное снижение текущих процентных ставок и их последовательное уменьшение в последующие периоды;
- 5) в итоге, формирование эффективно равновесного рынка капитала, объективно сопряженного с притоком широкомасштабных производственных частных инвестиций.

Постараемся быть максимально реалистичными. Безусловно, с учетом крайне сложной ситуации в сфере экономического управления в нашей стране, реализуемость предлагаемого антиципационного маневра вызывает определенные сомнения. Целый ряд очень непростых направлений экономической политики должны быть практически

“освоены”: осуществление под государственной эгидой заделных производственных инвестиций с максимально возможным финансовым результатом, гибкая и во многом компромиссная антиинфляционная политика немонетаристской направленности, очень жесткие и вместе с тем долговременно просчитанные изменения в приватизационной политике на отдельных сегментах рынка, эффективное проведение операций с облигациями долгосрочных займов на длительный период и др.

Тем не менее, на наш взгляд, антиципационный маневр может быть претворен в жизнь в случае твердого следования стратегии активного структурного регулирования. Как следует из ранее сделанных выводов, решающей предпосылкой успешного участия государства в долгосрочных производственных инвестициях является эффективное структурно-избирательное регулирование текущего экономического оборота. В свою очередь главным итогом регулирования такого рода должно стать достижение текущей стабилизации, означающее переход к умеренной предсказуемой – антиципируемой инфляции, если пользоваться зарубежной терминологией, и прекращения производственного спада.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Л.В. Бабаева,

кандидат философских наук
(Институт социологии РАН)

Л.А. Резниченко

(редакция журнала "Человек")

“ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛИТА”: МЕЖДУ ИДЕОЛОГИЕЙ И ЗДРАВЫМ СМЫСЛОМ¹

Всякая идеология стремится в своем систематическом развитии к такой точке, где эффективность ее измеряется не тем, насколько верят в идеологию люди и сколь много таких людей, а тем, чего она не дает подумать и не дает сказать.

М.К. Мамардашвили²

В исследовании российской элиты, в котором мы участвуем, с использованием методов качественно-количественного анализа рассматривается содержание суждений наших респондентов – представителей элиты по всей выборке. Теперь мы сосредоточимся на одном, достаточно специфичном, ее сегменте: на ученых и журналистах – тех, кого мы отнесли к “интеллектуальной элите”.

Нас будут интересовать характерные для “интеллектуальной элиты” особенности восприятия социальной реальности, глубина и характер рефлексии, а также неявные, невербализуемые предпосылки и установки – “исходные мифологемы”, которые лежат в основе рассуждений и оценок. А поскольку эти предпосылки, как и следует из их определения, в явном виде в текстах не формулируются, нам придется обращаться к наиболее очевидным их манифестациям, в частности, к противо-

¹ Из коллективной работы “Российская элита: опыт социологического анализа. Часть III. Особенности сознания элиты”. Под редакцией **К.И. Микульского**. В работе излагаются результаты исследования, проведенного Исследовательской социоэкономической ассоциацией, Институтом проблем занятости РАН и Минтруда РФ и Институтом социологии РАН при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 95-06-32017 по проблеме “Россия от настоящего к будущему”).

² Мамардашвили М.К. Язык осуществившейся утопии. Искусство кино. 1993. № 7